СЕРГЕЙ ОРЛЕНКО
ВАСИЛИЙ НОВОСЕЛОВ
ВЛАДИМИР КУРМАНОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О БУЛАТНОМ ОРУЖИИ РУССКОЙ РАБОТЫ XVII в.
(по материалам бывшего архива Оружейной палаты)[1]

Статья посвящена одному из актуальных вопросов отечественного оружиеведения - истории создания и бытования булатного оружия в России. Главным объектом исследования является Оружейная палата – придворная оружейная мастерская и арсенал русских царей XVII века. Источниковая база представляет собой комплекс аутентичных памятников, непосредственно относящихся к деятельности Оружейной палаты XVII столетия. Документальные источники представлены описями, приходо-расходными книгами, документами текущего делопроизводства Оружейной палаты (Оружейного приказа), ныне хранящимися в фонде 396 РГАДА. Вещественные памятники представлены подлинными образцами оружия, входившего в состав государевой оружейной казны XVII в. и ныне находящегося в собрании Музеев Московского Кремля. Важной частью работы является попытка максимально широкого обзора и анализа историографии вопроса.

На основании рассмотрения выявленных источников, авторы приходят к выводу о том, что на протяжении XVII столетия создание булатного оружия в Оружейной палате (для Оружейной палаты) носило эпизодический характер, не приобретая формы развитой и устоявшейся практики. Факты выкова московскими оружейниками клинков из булатной стали, по цене и качеству сопоставимых с их восточными аналогами, свидетельствует о высоком уровне их мастерства.

Документы свидетельствуют, что и в первой, и во второй половине столетия руководством Оружейной палаты предпринимались попытки пополнить состав мастерской специалистами, умеющими делать сабельные полосы высокого достоинства, а также организовать обучение таких специалистов в Москве или на Востоке. Отмечается, что эти попытки не были достаточно последовательными и настойчивыми и не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. Также авторы констатируют отсутствие каких-либо убедительных свидетельств, указывающих на

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ: проект 17-01-00268-ОГН и проект 17-01-00401-ОГН.

существование в XVII столетии в России производства булатной стали, при наличии источников, подтверждающих закупку булата на Востоке.

Причиной недостаточной активности в деле организации производства булатного оружия в Оружейной палате авторам видится уверенность руководства ведомства в возможности удовлетворить потребности русского двора в высококлассном оружии и доспехе за счет ввоза необходимых предметов из-за рубежа: непосредственно из Ирана и Турции. Одним из итогов проделанной работы является публикуемый в Приложении перечень булатного оружия, зафиксированнного в Переписной книге оружейной казны 1686/1687 гг.

Ключевые слова: *русское оружие, Оружейная палата, булат, производство оружия*

Изучение холодного оружия всегда находится на стыке нескольких научных дисциплин: истории науки и технологий, металлургии, металловедческого анализа, военной истории и оружиеведения. В изучении холодного оружия одной из вечно актуальных и привлекательных тем является исследование оружейных памятников из булата и дамасской стали. В мировых музейных собраниях и частных коллекциях сохранилось значительное количество клинков и иных предметов оружия и вооружения, от наконечников копий до доспехов, изготовленных из различных сортов булата и дамаска. Однако большая часть таких памятников попала в коллекции на протяжении XIX-XX вв. Эпоха романтизма породила, в том числе, увлечение Востоком и спровоцировала увлечение коллекционированием редких образцов восточного оружия. Немалую ценность для коллекционеров представляло оружие из булатной и дамасской стали, превозносимое не только за красоту узоров, образующихся на металле в процессе изготовления, но и за приписываемые им особые, можно сказать, легендарные, даже сказочные свойства.

Спрос рождает предложение, и на антикварный рынок вместе с действительно старинными изделиями хлынул вал подделок. Иногда травлением имитировался рисунок узорной стали, иногда предмет сознательно старился нанесением подписи известного мастера и (или) ложной даты. Подобная практика возникла еще в период активного бытования булатного и дамасскового оружия: уже в XVII-XVIII вв. была широко распространена практика подделки производственных клейм на оружии, имитация сложных технологий с целью повышения его стоимости. Наиболее ярким примером такого клейма является подпись известного иранского клиночного мастера Асадуллы из Исфахана, работавшего в начале XVII в., которую часто можно встретить на клинках XVIII-XIX вв., например, на клинке из собрания Оружейной палаты инв. № ММК Ор-4489/1-2, датируемом 1786 г. Подобные клинки порой отличаются высоким качеством булата, из которого они изготовлены, но имя известного, можно сказать, легендарного мастера придавало им дополнительную ценность. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в Европе, где марки известных испанских и итальянских мастеров XVI в., например, Томаса Айялы или Антонио Пичинино имитировали на всем протяжении XVII-XVIII вв.

В связи с этим для изучения исторического булата и дамаска особое значение приобретают арсеналы, в состав которых подобное оружие вошло в ранний период (XVI-XVIII вв.), собрания, формирование которых носило не случайный характер, а изначально было результатом некоего целенаправленного отбора. Важную роль играет наличие комплекса письменных источников, проливающих свет на историю поступления и бытования предметов, позволяющих идентифицировать сохранившиеся до нашего времени экземпляры (описи, реестры и пр.).

В первую очередь к подобным арсеналам можно отнести крупные арсеналы правителей и представителей знати. Собраний, обладающих достаточно репрезентативным материалом, сохранилось не так много. Это, например, Королевский арсенал в Мадриде, в котором сохранилось восточное оружие, принадлежавшее испанским королям, художественные галереи города Дрездена, где хранится оружейное собрание саксонских курфюрстов, коллекция оружия музейного комплекса Топкапы, представляющего собой арсенал турецких султанов и ряд других.

Безусловно, в их ряду находится и собрание Оружейной палаты, историческое ядро оружейной коллекции которой составляет арсенал русских царей XVII в. Основным объектом исследования в данной работе является группа предметов булатного оружия, зафиксированная в составе царской казны в Переписной книге 1686/1687 гг. Этот источник имеет огромное значение для изучения оружейного собрания Оружейной палаты, поскольку является наиболее ранней дошедшей до нас полной и развернутой описью царского оружия и доспеха. В Переписной книге 1686/87 гг. содержатся постоянные ссылки на предыдущие не дошедшие до нас описи оружейной казны. Идентифицировать отдельные памятники по описи 1686/87 гг. позволяет верификация описаний с более поздними описями, составлявшимися на протяжении всего XVIII века, 1701, 1711, 1727, 1747, 1788 гг., вплоть до составления в 1808 г. собственно музейной описи оружия Оружейной палаты. Немало важной информации содержат и более ранние источники по истории формирования собрания: краткие и перечневые описи разных лет, роспись походной оружейной казны царя Алексея Михайловича, а также документы текущего делопроизводства Оружейного приказа.

В состав Оружейной палаты XVII в. входил как личный арсенал русских царей, оружие и доспехи придворных чинов, так и строевое оружие, исчислявшееся многими тысячами единиц. В Переписной книге обычное оружие записывалось одной строкой, например: «тысяча пятьсот семь сабельных полос московского дела…. цена по десяти алтын»[2]. Предметы, обладавшие высоким статусом и ценностью, описывались индивидуально или небольшими группами при наличии какого-либо объединяющего признака (например, источника поступления). В описании фиксировались идентифицирующие признаки, например, материал изготовления, для клинка – наличие долов и насечки, и пр., в отдельных случаях отмечались имеющиеся повреждения и утраты, например, «кончик отломлен», «старая», «полосы худые ломаные». Порядок записи определялся стоимостью оружия, определявшей ее статус: например, сперва записывались сабли или палаши с

[2] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 71 об. – 72.

золотыми оправами и каменьями, затем с оправами серебряными, затем с оправами стальными. В обязательном порядке каждый предмет оценивался, при этом из комментариев следует, что для осмотра и оценки оружия и привлекались мастера Оружейной палаты. Нередко именно они становились источником дополнительной информации о вещах. В текст описи вносились «скаски» – устные свидетельства оружейников: кто и когда делал, когда поступила в Оружейную палату и т.д. К некоторым предметам прилагались ярлыки с информацией об источнике поступления вещей.

Часть оружия поступала в царскую оружейную казну в качестве дипломатических даров, подношений монарху от русской знати или представителей национальной аристократии, иностранных купцов и торговых агентов. Все подобные дары тщательно оценивались, притом еще до поступления в Оружейную палату, в Посольском приказе, Сибирском приказе или на Казенном дворе. При передаче в Оружейное ведомство правильность оценки вещей проверялась[3].

Другой источник поступления – это закупки, производившиеся царскими посланцами за границей, например, в Турции или Иране. Для царского двора крайне актуальным был вопрос приобретения не только булатного оружия, но и приглашения в Россию мастеров, владевших секретами его изготовления, равно как умеющих получать сам булат. Более подробно этого вопроса мы коснемся далее, здесь же ограничимся констатацией, что булат вывозился в Россию в виде готовых изделий, например, сабельных полос, либо в виде слитков, которых еще требовалось правильно, с соблюдением технологии, ковать, закалять и травить.

Булатное оружие ценилось при царском дворе достаточно высоко. Так, если цена обычной стальной сабельной полосы «московского дела» составляла от 10 алтын до 1 рубля 26 алтын, то булатный клинок стоил от 2 до 25 рублей. При этом на оценку клинка влиял и декор клинка – наличие золотой насечки или инкрустации камнями. Самыми дорогими из стальных полос были «две полосы сталные, одна на тевриское дело з долами, другая на черкаское дело штыком», стоившие соответственно 2 рубля 16 алтын 4 деньги и два рубля[4]. Кроме того, весьма дорогостоящими были «три полосы стальные на полской выков, на одной дол ширинской, у дву долы мелкие», оцененные вместе в четыре рубля (т.е. по одному рублю десять алтын две деньги за полосу)[5] и «две полосы сталные московское дело на литовской выков», стоившие по рублю двадцать шесть алтын по четыре деньги. В последнем случае цена может объясняться необычной формой клинков, требовавшей особого мастерства и затрат для изготовления: оба лезвия этих клинков имели волнистую форму[6]. Для сравнения можно привести цены на огнестрельное оружие. Пара западноевропейских строевых пистолетов с ольстрами в России в середине XVII в. стоила 2 рубля 25 алтын, строевой мушкет – рубль[7].

[3] Например: Об отсылке из Казенного приказа в Оружейную палату булатных сабельных полос и наручей стальных присланных в дарах к государю от кизылбашского шаха и от шамаханского, да от сибирских калмыцких тайшей. РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 10078 Л. 1-2.

[4] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 67.

[5] Там же. Л. 66 об.-67.

[6] Там же. Л. 67 об. – 68.

[7] 1659-1660 г. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты на жалование мастерам и на

Всего по материалу изготовления в Переписной книге клинки разделены на четыре категории:

Клинки (полосы) булатные.

Клинки (полосы) демешковые.

Клинки (полосы) красного железа.

Клинки (полосы) стальные.

Сабли и сабельные полосы не были единственным видом холодного оружия, для изготовления которого использовался булат. Булат в качестве материала боевой части (важно, поскольку булат мог использоваться и для деталей оправы), встречается у палашей и палашных полос, сулеб[8], булав, шестоперов, топоров, ножей и рогатин.

Во всех этих видах холодного оружия как материал изготовления боевой части мы встречаем те же четыре категории металла: булат, дамаск, красное железо, сталь. По ценности булат стоял на первом месте, за ним следовали, по сути как синонимы друг друга, сталь демешковая или железо красное, последнюю позицию занимала сталь[9]. Параллельное бытование терминов «сталь демешковая» и «красное железо» может объясняться их разным происхождением. Один термин содержит легенду о происхождении предмета - искаженное название города Дамаск, другой – автохтонный, указывает на красоту узора на металле. В Переписной книге присутствует пример, когда оба термина использовались по отношению к одним предметам[10].

О том, что булат был достаточно дорогим, говорит как цена булатного оружия, так и относительно небольшое его количество. Всего в Оружейной палате на момент составления Переписной книги 1686/87 гг. числилось 736 сабель, из которых как булатные, стали демешковой и красного железа были записаны только 31. Из 1734 сабельных полос, булатными были записаны лишь 56, демешковыми (5 полос), красного железа (5 полос), остальные – стальными или без указания материала. По цене и порядковому месту в описи можно полагать, что в большинстве случаев (были исключения) подразумеваются клинки и полосы из обычной стали.

В современном собрании из всех вышеперечисленных памятников идентифицированы лишь 17 сабель и 43 сабельные полосы с булатными клинками. Часть булатных сабель покинула собрание

разные покупки (7168) 1659-1660 г. РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 Л. 16.

[8] Относительно классификации сулеб в литературе нет единого подхода. Наиболее распространенное мнение, сулеба – род тесака или фальчиона с более коротким и широким по сравнению с сабельным клинком, с небольшим изгибом. Вряд ли можно согласиться с предположением, что сулеба – турецкая сабля «пала», которую отличает клинок Т-образного сечения с широким перпендикулярным клинку обухом. Из описаний сулеб в Переписной книге и описи оружия князя В.В. Голицына можно констатировать: клинок сулебы мог быть и булатным, и стальным немецким, с двумя долами вдоль обуха или долом ширинским и узким долом вдоль обуха. У сулебы могла быть елмань, рукоять образовывалась плащиками, соединенными с хвостовиком клепками, между рукоятью и клинком был крыж, форма которого нигде не указана. Термин, возможно, происходит от арабского «салеб» - твердый, прочный, стальной. Возможно, термин применялся в качестве прилагательного к типу сабли или тесака, отличавшихся усиленным, более тяжелым, широким и толстым клинком, предназначенным в первую очередь для рубящих и секущих ударов.

[9] В оглавлении Переписной книги (на л. 16) наряду с булатными и «демешковыми» фигурируют также «железные» полосы. В данном случае «железные» выступает как не вполне корректный синоним для стальных полос.

[10] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 68.

Оружейной палаты в конце XVII – первой половине XVIII века, когда их продолжали использовать для пожалований отличившимся царедворцам и военачальникам, казацким старшинам и ханам вассальных кочевых племен. Что же касается сабельных полос, то здесь картина обратная: дорогие булатные клинки сохранились почти все, однако часть из них на настоящий момент сложно или невозможно идентифицировать по описи 1686/87 гг., поскольку они сильно пострадали от времени, например, на них были утрачены золотая насечка и золочение. Коррозия и последующая абразивная чистка в некоторых случаях привели к полной утрате рисунка металла, и определить материал, из которого был изготовлен клинок, в настоящий момент без соответствующей химической обработки не представляется возможным.

Согласно Переписной книге в царском арсенале хранилось восемнадцать палашей и тридцать три палашные полосы, из них булатными, «демешковыми» и «красного железа» были записаны лишь семь палашей и одна полоса. В музейном собрании идентифицированы шесть палашей с булатными клинками и единственная полоса «красного железа».

Из двадцати трех булав, почти все из которых были драгоценными: золотыми, серебряными, украшенными драгоценными и поделочными камнями, лишь две были записаны булатными и еще две – «красного железа». В настоящее время идентифицированы две булатных.

Из девяти пернатов был один булатный (в современном собрании не идентифицируется).

Из одиннадцати шестоперов три были записаны булатными (один идентифицирован).

Из тринадцати топоров пять были записаны булатными. Все сохранились, в том числе две пары топоров посольских.

Из восьми ножей четыре были записаны булатными (не сохранились).

Таким образом, всего на настоящий момент в современном собрании Оружейной палаты по Переписной книге 1686/87 гг. идентифицировано четырнадцать булатных сабель (см. приложение 1) и тридцать шесть сабельных полос (см. приложение 2), две булатных булавы, один шестопер, пять топоров (см. приложение 3), шесть палашей (см. приложение 4).

Наибольшую сложность представляет идентификация именно сабельных полос – многие полосы имеют схожие описания. Как указывалось выше, в ряде случаев вещи утратили свои отличительные черты (насечку, клейма), а иногда и сам рисунок металла оказался затерт. Составителем описи холодного оружия 1885 г. Л.П. Яковлевым при идентификации полос был допущен ряд вполне объяснимых при данных обстоятельствах ошибок, что потребовало нового сравнения полос с их архивными описаниями и новой идентификации[11].

При описании сабельных полос мы встречаемся с большим разнообразием терминов и определений при обозначении материала и места изготовления оружия. Этот вопрос достаточно полно и подробно был рассмотрен в диссертационном исследовании В.С. Курмановского (Курмановский 2010), поэтому мы в данной статье коснемся лишь некоторых его аспектов.

[11] Сабельные полосы заново идентифицированы в современном собрании совместно В.С. Курмановским и В.Р. Новоселовым.

Во-первых, к пересмотру оружейной казны и составлению Переписной книги были привлечены чины сторонних ведомств: ревизоры, специалисты в области делопроизводства, канцеляристы. Едва ли они были высокими знатоками такой специфической области, как достоинства и качество клинковой стали. Составители ориентировались на имевшиеся в их распоряжении документы, с данными которых они при составлении Переписной книги и соотносили наличествующее оружие. К мастерам Оружейной палаты за консультациями они, по всей видимости, обращались эпизодически, в случаях, вызывавших наибольшее затруднение. Кроме того, нет полной уверенности, что мастера, работавшие в 1680-е гг., всегда могли предоставить полную и верную информацию по предметам, изготовленным и поступившим в Оружейную палату в первой половине столетия. Поэтому, на наш взгляд, указание региона изготовления, содержащееся в описи – это в основном информация, полученная ими из предшествующих Переписной книге документов – преимущественно, описной книги 1682 г. Существенное влияние на объективность этой информации оказывала легенда предмета, а также первичная характеристика, которую вещь получала при поступлении в палату. При этом необходимо учитывать и «человеческий фактор» – возможность ошибок и неточностей, которые случаются даже при современной музейной атрибуции и работе с учетными документами.

Ситуацию, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует запись в Переписной книге восьми сабельных полос работы иранского мастера Реджаба Али Исфаханского. По предыдущим переписным книгам эти полосы были записаны тридцать четвертыми. Очевидно, у переписчиков вызвала сомнение правильность предыдущей оценки, поскольку клинки сабельных полос были украшены золотой насечкой, а их стоимость не соответствовала порядку записи. Поэтому в качестве «эксперта» ими был привлечен сабельный мастер Прохор Иванов, который определил полосы в качестве изготовленных из булата и оценил одну полосу в 15 рублей, а остальные семь по девять рублей (Илл. 1-3). Полосы переместились на третье место по порядку записи сабельных полос в Переписной книге[12].

Илл. 1. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

[12] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 об.

По принципу организации информации Переписная книга 1687 г. несколько отличалась от предшествующих ей описей, в которых воспроизводился порядок перечисления предметов предыдущего реестра, а вновь поступившие предметы записывались в конец главы. В Переписной книге 1687 г. порядок предметов был выстроен преимущественно в соответствии с оценочной стоимостью в порядке убывания.

Илл. 2. Желоб на обухе сабельной полосы работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

Илл. 3. Насечка золотом на клинке и клеймо мастера на полосе сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

Илл. 4. Сабля в ножнах с поясом. Россия, начало XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-141/1-3.

Это далеко не единственный случай, когда служители Оружейной палаты допускали ошибки подобного рода. Так, сабля инв. № ММК Ор-141/1-2 (Илл. 4) была записана без указания, из какой стали изготовлен клинок, хотя на немдостаточно отчетливо виден характерный рисунок дамаска[13] (Илл. 5-9). Подобные случаи как с сабельными, так и с палашными клинками не редкость.

Аналогичная ситуация складывалась и при определении места создания вещей. К примеру, в качестве «полосы черкасской» была записана в Переписной книге булатная полоса инв. № ММК Ор-767 (Илл. 10-12). Мы можем предположить, что на ее определение в качестве «черкасской»

[13] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 51 об.

повлиял оформленный в виде граненого «штыка» боевой конец полосы[14]. Хотя в другом месте мы видим четыре полосы, записанных под одним номером, две из которых были «штыком», а другие две были записаны как «на черкасское дело»[15], то есть наличие «штыка» не всегда в XVII в. выступало в качестве определяющего признака черкасского сабельного клинка. В данном случае на хвостовике и клинке полосы имеются отчетливые подлинные клейма иранского мастера Кальб Али ибн Асадуллаха Исфаханского (Илл. 13-14). Наличие подобных клейм на хвостовиках других сабельных полос так же не отмечено в описи, как, например, до сих пор отчетливо видные и читаемые клейма, выбитые на хвостовиках всех одиннадцати полос работы Реджаб-Али Исфаханского (Илл. 15-16).

Однако в русских описях XVII в. на оружии далеко не всегда фиксировалось само наличие арабоязычных надписей. К исключительно редким относятся случаи, когда на иранских клинках присутствует русскоязычная надпись об их происхождении[16]. Так, например, в описи оружия князя В.В. Голицына были записаны «три полосы булатные, в том числе две с обе сто роны по два долика, один долик с перерывками, на правой стороне наведено золотом слова и подписаны: зделаны те сабли в Ыспохане в лето 7194, одна в июля 30 день, другая в августа 25 день»[17].

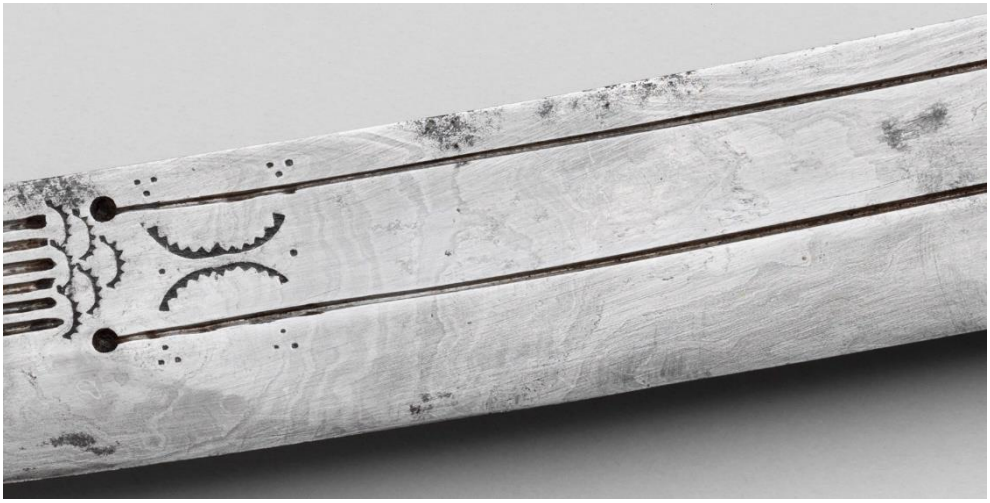
Илл. 5. Эфес и фрагмент клинка сабли. На клинке видны рисунок дамасска.

[14] Возможно, что помимо наличия «штыка» (или не благодаря ему вообще) на определение полосы как «черкасской» могли повлиять другие факторы – например общий абрис и пропорции, отсутствие елмани, особенности долов. Оформление конца «штыком» в Описи отмечено также и у «тевризской», одной «кизылбашской» полосы, многих полос без указания происхождения.

[15] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 69 № 38.

[16] В собрании Государственного Эрмитажа хранятся два иранских клинка с русскими надписями XVII века «сделана в Испахане лета 7185» (Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. Табл. XXV, А. 41 и (Kwaśniewicz 1988, 58)).

[17] Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 27 №№ 1-3.



Илл. 6. Эфес и фрагмент клинка сабли. На клинке видны рисунок дамасска и поддельные клейма «зубчатые серпы».

Илл. 7. Рисунок дамасска на боевом конце сабельного клинка.

Илл. 8. Рисунок дамасска на боевом конце сабельного клинка.

Илл. 9. Структура металла на обухе сабельного клинка.

Илл. 10. Полоса сабли работы мастера Кальб-Али ибн Асадуллаха. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-767.

Илл. 11. Рисунок булатной стали на клинке сабельной полосы.

Илл. 12. Рисунок булатной стали на клинке сабельной полосы.

Илл. 13. Клейма мастера на хвостовике полосы.

Илл. 14. Насеченная золотом подпись мастера на клинке полосы.

Илл. 15. Клеймо мастера Реджаба-Али Исфахани на сабельной полосе. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-788.

Илл. 16. Узор булатной стали на сабельной полосе работы мастера Реджаба-Али Исфахани.

У русских сабельных мастеров отсутствовала система клеймения своих изделий. Встречающиеся крайне редко клейма и подписи мастеров-клиночников на русском клинковом оружии XVII в. мы можем считать скорее исключением, нежели правилом. Нам в собрании Оружейной палаты известно лишь два таких примера – клеймо и подпись на клинках, которые можно определить в качестве русских[18] (Илл. 17). На некоторых предположительно русских полосах мы встречаем имитации некоторых известных клиночных марок, например, зубчатых серпов или «гурды»[19] (Илл. 18), но при этом мы затрудняемся сказать, были ли эти заимствования сделаны под восточным или западным, например, польско-венгерским влиянием, поскольку эту марку, происходящую из Генуи, копировали на своих изделиях и турецкие, и кавказские, и восточноевропейские и немецкие мастера. Еще одно клеймо в виде двуглавого орла, выбитое на хвостовике полосы инв. № ОР-1365 (Илл. 19) мы считаем приемным клеймом Оружейной палаты, т.к. подобные клейма «двуглавый орел» мы встречаем на некоторых образцах огнестрельного и холодного оружия, находившегося в Оружейной палате в XVII в. Казенным двуглавым орлом в это же время также клеймились свинцовые пломбы, которые подвешивались к панцырям и кольчугам.

Илл. 17. Клеймо на пяте клинка сабельной полосы. Россия, Москва, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1400.

[18] Инв. № ММК ММК Ор-136/1-3; ММК Ор-1400.
[19] Следует, однако, отметить, что подобное клеймо на этих клинках коррелирует с «польским», «угорским» или «литовским» образцом «выкова». (ММК ОР-141; ММК Ор-1362; ММК Ор-1397; ММК Ор-1398).

Илл. 18. Поддельное клеймо «зубчатые серпы» на сабельной полосе. Россия (?), XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1362.

Илл. 19. Клеймо на хвостовике сабельной полосы. Россия, Москва, Оружейная палата, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1365.

На наш взгляд, регион, указываемый при первичном описании холодного оружия, может отображать как место, откуда оно привозилось или где приобреталось (т.е. оно было привезено, например, послом или купцом из Турции), так и то место изготовления, которое указывало лицо, передававшее его в царскую казну. Кроме того, клинки из разных регионов обладают разными четко выраженными морфологическими признаками. В этом случае термины «на турское дело», «на турский выков» могут отображать то, что клинок или полоса по своей конструкции (изгибу, елмани, долам и т.д.) напоминает турецкий, но откован он мог быть в совершенно ином регионе. Всего в Переписной книге в отношении оружия из булата и «демешковой» стали (или «красного железа») мы встречаем указания на несколько таких центров:

Тевризские и кизылбашские клинки – очевидно, с территории Ирана.

Турские – т.е. турецкие.

Черкасские – то есть кавказские, предположительно черкесские[20].

[20] Термин «черкесы» в данном случае употреблен в широком значении, поскольку в документах XVII в. под «черкесами» скорее всего понимались адыгоязычные народы Северного Кавказа (в современной терминологии к ним относятся адфгейцы, черкесы и кабардинцы).

Египетская – такая сабля записана только единожды. На серебряном приборе ножен выбиты турецкие тугры (Египет входил в состав Османской империи).

Булатные сабли и полосы по Переписной книге распределяются следующим образом:

Сабли «турские булат красной» - 4.

Сабли «булат красной турской выков» – 10.

Сабли «булат красной турское дело» - 1.

Полосы сабельные «турское дело булат красной» – 5.

Полосы сабельные «турской выков» - 2.

Полосы сабельные «на турской выков» - 2.

Сабли «булат красной кызылбашской выков» - 4.

Полосы сабельные «булат красной кизылбашской» – 2.

Полосы сабельные «кизылбашской выков» - 20.

Полосы «булатные кизылбашские» - 7.

«Кызылбашской выков» – сабель 4, полос – 29.

Сабли и полосы тавризские (выков и дело) сабель - 0– полоса – 1.

Сабли и полосы просто булатные – сабли – 3, полосы – 16.

Сабли и полосы «булат красной» – сабли – 4, полосы – 0.

Сабля «египетская булат красной» – 1.

Сабля «булат красной выков на литовское дело» - 1.

Сабля полоса «булат красной на литовское дело» - 1.

Сабля полоса «булат красной на польской выков» - 1.

Полоса булатная «на польской выков» - 1.

Сабля полоса «булат красной выков черкасской московское дело» - 1.

Полоса «булатная черкасская» - 1.

По происхождению булатные полосы, хранившиеся в XVII в. в Оружейной Палате, оказываются преимущественно «турскими» и «кизылбашскими». Облик и тех и других достаточно характерен. «Кизылбашские», т.е. иранские, клинки в большинстве своем имеют относительно сильный или средний изгиб и сравнительно узкий нераскованный боевой конец без елмани. Конец клинка может быть обоюдоострым, но чаще однолезвийный. Долы в большинстве случаев отсутствуют. Характерно «каплевидное» сечение клинка со скругленным обухом. От хорошо известных персидских сабель XVIII-XIX вв. – «шамширов» эти клинки в первую очередь отличаются меньшим изгибом.

«Турские» полосы отличаются высокой степенью стандартизации. Они имеют сравнительно небольшую елмань, образованную постепенным расширением клинка от области максимального сужения в средней части к конструктивно подчеркнутому концу обуха, у которого контур клинка образует четкий перелом. Длина елмани составляет около 240-250 мм, максимальная ширина елмани у клинков первой половины XVII в. (составляющих большинство сохранившихся в

комплексе, зафиксированном Описью 1687 г.) примерно на 1 мм больше ширины пяты клинка, колеблющейся в пределах 33-39 мм, у более поздних клинков середины – второй половины столетия максимальная ширина елмани равна или незначительно меньше ширины пяты клинка. Кривизна клинка по лезвию составляет порядка 90 мм. Наиболее распространенные варианты сечения клинка – треугольное без долов, либо один широкий дол, часто «ширинский», занимающий большую часть площади клинка.

Другие формы булатных сабельных клинков встречаются реже. Полоса ММК Ор-767 – «булатная черкасская з долами штыком» (несущая, однако, иранское клеймо) - характеризуется «аномально» большой длиной клинка (1035 мм), пропорционально небольшим изгибом, отсутствием елмани при наличии обратной заточки и длинным стержневидным острием подквадратно-ромбического сечения. На каждой стороне клинка помещаются четыре нешироких дола, имеется прилежащий к эфесу участок (собственно «голомя» в терминологии XVII в.) с гладкой поверхностью. В целом аналогичную форму имеют ряд других «полос штыком» из Оружейной Палаты, для некоторых из них имеются указания на «черкасский» образец выкова. Достаточно близкую аналогию представляют клинки сабель из позднесредневековых северокавказских курганов[21]. В собрании Оружейной палаты имеется также ряд клинков близких очертаний, но имеющих более или менее выраженную небольшую елмань. Следует отметить, что «полосы штыком» с елманью в Описи 1687 г. ни разу не отождествлены с «черкасским» образцом выкова.

Другую форму полос со «штыковидным» концом представляет «тевризская» булатная полоса ММК Ор-1408 (Илл. 20). Она также имеет удлиненное ромбическое в сечении острие, «голомя», не имеет четко выраженной елмани. На каждой стороне помещается по два дола, окаймленных «опушкой», ближайший дол к обуху оформлен «с перерывцами». При этом клинок имеет стандартную длину (872 мм), в сравнении с клинком ММК Ор-767 и близкими к нему выглядит коротким, широким и сильно изогнутым.

Весьма специфичны оказываются иранские клинки с елманью, основную часть которых в коллекции составляют полосы работы Реджаб-Али Исфаханского. Характерно, что составители описи затруднились определить их происхождение или образец выкова. Эти клинки имеют более или менее выраженную елмань, детали оформления которой у каждого конкретного клинка несколько различаются. В целом, у большинства из этих полос елмань образована расширением клинка со стороны обуха под острым углом, причем обух сходит на нет не резко, как у большинства

Илл. 20. Полоса сабли. Иран, Тебриз, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1408.

[21] См. напр. (Курмановский 2014, 150-162).

клинков с выраженной елманью, а довольно плавно. Другая их особенность – смещение острия от линии обуха к средней линии клинка. Один из клинков работы Реджаб-Али (Инв. № ММК Ор-1413) имеет незначительно расширенный обоюдоострый конец, фактически не выделенный конструктивно (Илл. 21-25). На этом же клинке прослеживается один неширокий дол с «опушкой» и паз, в котором катались «жемчужины». Один узкий глубокий дол для «жемчужин» имела также полоса Инв. № ММК Ор-788 (Илл. 26-28). Прочие подобные клинки имели клиновидное сечение со скругленным обухом без долов. Характерно также наведенное золотом «голомя».

Встречающиеся в Переписной книге определения сабельных клинков и полос из булата и из «красного железа» как «турских» (турецких), «кизылбашских» (иранских), «на польский выков», на «литовское дело», на наш взгляд, относятся не столько к месту изготовления, сколько к типу клинка, его морфологическим признакам[22].

Илл. 21. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1413.

Илл. 22. Клейма на хвостовике, золотая насечка и прорезной желоб - паз для «жемчужин» на клинке полосы. На конце хвостовика около скважины выбито круглое клеймо с двуглавым орлом – приемное клеймо Оружейной палаты.

Илл. 23. Рисунок булатной стали на клинке в его нижней части.

[22] Термин "на дело" и "дело" с указанием конкретного региона - это разные понятия. Когда пишется, например, "турское дело" - это прямое указание на место изготовления, в данном случае в Турции, как это видится составителям описи по их сведениям, а вот "на турское дело" - значит только то, что своими морфологическими признаками клинок похож на изготовленный в Турции, но при этом мог быть сделан в другом месте.

Илл. 24. Рисунок булатной стали на клинке у начала елмани.

Илл. 25. Рисунок булатной стали на клинке в его средней части.

Илл. 26. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-788.

Илл. 27. Рисунок булатной стали на клинке в его средней части.

Илл. 28. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка.

Для других видов холодного оружия мы в целом отмечаем ту же картину, что и для сабельных клинков. По-прежнему среди центров, откуда происходит булатное оружие, остаются Турция и Иран, хотя в отношении другого клинкового оружия – палашей и сулеб – место происхождения ни разу не указывается, за исключением турецкого палаша с дамасскосвым клинком с изображением битвы дракона и феникса, который в Переписной книге назвали палашом «немецкого дела» (инв. № ММК Ор-4440/1-2) (Илл. 29). В собрании Музеев Московского Кремля есть похожий палаш с почти

Илл. 29. Палаш с ножнами и шнуром для подвески. Турция, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-4440/1-3.

Илл. 30. Палаш с ножнами и шнуром для подвески. Турция, XVII в. инв. № Op-194/1-2.

Илл. 31. Эфес и золочение на клинке.

Илл. 32. Узор булатной стали на средней части клинка палаша. По центру клинка следы травленых надписей и декоративных элементов, утративших золочение.

Илл. 33. Узор булатной стали на боевом конце клинка палаша. По центру клинка следы травленых надписей и декоративных элементов, утративших золочение.

полностью аналогичным по форме и декору клинком явно восточного, а именно, судя по многочисленным дошедшим до нас во многих музейных собраниях аналогам, турецкого происхожения, украшенным с внешней стороны схожим изображением битвы дракона с птицей-фениксом (инв. № ММК ОР-194/1-2) (Илл. 30-33). В Переписной книге полоса палаша инв. № ММК Op-194/1-2 записана как булатная, в то время как полоса второго, якобы «немецкого» палаша,

записана просто стальной, хотя на ее клинке четко читается узорчатая сталь, по нашему мнению, по своему рисунку являющаяся скорее дамасской, нежели булатной. На наш взгляд, причиной этого стало то, что «немецкий палаш» прибыл в качестве дара от польского посольства и, возможно, был ошибочно назван немецким в документах Посольского приказа, выписка из которого перекочевала в документацию Оружейной палаты.

К сожалению, до нас не дошла единственная упоминавшаяся в описи сулеба с булатным клинком, равно как не дошли и пять булатных сулеб и булатная сулебная полоса, принадлежавшие князю В.В. Голицыну и в 1689-90 гг. взятые в Оружейную палату[23]. Не дошло до нас ни одного булатного ножа из царского собрания Оружейной палаты XVII в. Сохранился лишь единственный предмет, записанный как «кинжал», (начиная с Описи 1880-х гг. называемый подсаадачным ножом), принадлежавший князю Андрею Ивановичу Старицкому и датируемый по дате на клинке 1513 г. В Переписную книгу 1686/87 гг. его клинок был записан как стальной, хотя в росписи оружейной казны царя Михаила 147 (1638/39 гг.) года металл клинка был определен как «булат синей»[24]. К сожалению, в настоящий момент мы не можем определить из какой стали, обычной, дамасской или булатной, изготовлен клинок этого уникального русского боевого ножа начала XVI в., но в случае проведения дополнительного металлографического анализа именно он может стать ключом к пониманию различия между «булатом красным» и «булатом синим».

Среди копий в царской оружейной казне булатных на момент составления Переписной книги 1686/87 гг. не было, зато были перечислены 6 копий из красного железа. Из тридцати двух рогатин лишь четыре были записаны стальными, из остальных 4 были булатными и 24 красного железа. Из них в современном собрании сохранились три булатных рогатины (инв. №№ ММК Ор-57 (Илл. 34), ММК Ор-888 (Илл. 35), ММК Ор-889) и четыре рогатины «красного железа» (инв. №№ ММК Ор-60, ММК Ор-61 ММК Ор-891 (Илл. 36) и ММК Ор-892). Среди первых и рогатина тверского князя Бориса Александровича (инв. № ММК Ор-57), относящаяся ко второй четверти XV в., которую следует признать древнейшим в собрании Оружейной палаты образцом русского холодного оружия, сделанного из булата. В описи она была записана как «рогатина булат красной, тулея обложена серебром резным золоченым, резаны травы, и люди, и птицы, на тулье на краю две строки под пись: рогатина великого князя Бориса Александровича»[25]. В настоящий момент рисунок булата на рогатине визуально не определяется.

К неразрешенным до сих пор относится вопрос о работе с булатом русских мастеров в XVII столетии. Особенностью историографии, посвященной булату и оружию из булата, изготовленному в России, можно считать то, что изучение вопроса с самого начала находилось более в фокусе внимания специалистов-металловедов, чем собственно историков.

---

[23] Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Лл. 33 об -35.

[24] РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 2948 Роспись оружейной казны ц. Михаила Федоровича на 13 листах гг. Л. 6.

[25] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 201 об.

Мы оставляем за рамками данной статьи вопрос о так называемом «харалуге», упоминаемом в «Слове о полку Игореве», который многие исследователи вслед за традицией XIX в. называют булатом. Отметим только, что выдающийся отечественный оружиевед В.В. Арендт, специально изучавший вопросы технологии изготовления древних клинков, еще в 1934 г. категорически отверг версию о том, что под названием харалуг в источнике подразумевался булат (Арендт 1934, 335-342).

С нашей точки зрения, нет никаких оснований отождествлять булат и «харалуг», поскольку у нас нет ровным счетом никаких письменных и материальных источников, хотя бы косвенным образом подтверждающих, что термин «харалуг» вообще обозначает какой-либо вид оружейной стали, булатной или дамасской. Хочется обратить внимание интересующихся данным вопросом на лингвистический анализ слова «харалуг», данный еще В.Ф. Ржигой и С.К. Шамбинаго, двумя

Илл. 34. Наконечник рогатины. Россия, 1426-1461 гг. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-57.

Илл. 35. Наконечник рогатины. Россия, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-888.

Илл. 36. Наконечник рогатины. Россия, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-891.

известными публикаторами «Слова о полку Игореве». Они обратили внимание на сложность фонетического характера перехода начального «к» в «х» в случае, если слово «харалуг» происходит от тюркского слова «кара» (черный) в соединении с суффиксом «луг». В случае если «харалуг» означает металл, странной становится образность фразы из «Слова о полку Игореве» «ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена». Из анализа текста этой фразы и на основании ряда других предположений Ржига и Шамбинаго пришли к выводу о том, что слово

«харалуг» происходит от арабского слова «хараба» в соединении с суффиксом «лиг» - «хараблиг», означающим гибель, разрушение. В этом случае «меч харалужный» означает меч гибельный, разрушительный (Слово о полку Игореве 1961, 327-328). Стоит отметить, что в скандинавской традиции в сагах в отношении мечей используются эпитеты «прут убийства», «погибель человека», «огонь раны», «губитель щитов» и т.д. Подобную традицию эпитетов меча мы встречаем и у арабов, называвших мечи «тенью смерти», «клыком судьбы», «отцом ужаса» (Средневековая андалузская проза 1985, 368-369).

До сих пор в России нет ни одной крупной работы, которая была бы посвящена исследованию бытования булата в России XV-XVII вв. Известная работа П. Винклера «Оружие» в своем «русском» разделе как в текстовой, так и в иллюстративной части фактически полностью воспроизводит 1 том изданного в 1841 г. «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова (Висковатов 1841). На иллюстрациях достаточно легко опознаются многие памятники из собрания Московской Оружейной палаты. В главе, посвященной главнейшим оружейным коллекциям, характеристике Московской Оружейной палаты отведен один короткий абзац самого общего содержания (Винклер 1992, 312-313). У нас вызывает большое сомнение, знакомился ли Винклер с коллекциями Оружейной палаты лично, в музейном архиве никаких данных о допуске Винклера к работе с историческими памятниками на настоящий момент не выявлено.

Действительно, уже в 1885 г. был издан том описей Московской Оружейной палаты, посвященный холодному оружию, составленный в основном уже к 1862 г. Л.П. Яковлевым. Именно им на основе изучения и сопоставления предыдущих описей Оружейной палаты и другой архивной документации за XVII-XIX вв. были предложены первые атрибуции предметов оружия и вооружения, которые мы можем считать научными. При этом Яковлев не был историком. Он был военным: штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка Лукиан Павлович Яковлев был зачислен в Оружейную палату на должность помощника директора в чине майора приказом от 12 июля 1860 г. Не имея базового исторического образования и опыта работы с историческими источниками, он за период 1860-1868 гг. проделал титаническую работу по составлению описей оружия и знамен Оружейной палаты, снабдив свои описания обширными комментариями со ссылками на целый корпус архивных документов, в первую очередь всех описей оружия, составлявшихся между 1686/87 и 1835 гг. Безусловно, в исследованиях ему ассистировали опытные архивисты, помогавшие с разбором архива Оружейной палаты и с поиском источников. В течение краткого периода, пока тяжелое заболевание не прервало его труды, Л.П. Яковлев успел написать рукопись описи холодного оружия Оружейной палаты, издать опись знамен музея, закончить опись брони и приступить к описи огнестрельного оружия кремлевского собрания. Только за два года, к моменту завершения работы над описью холодного оружия, занимаясь одновременно экспозиционной, реставрационной работой и хранением коллекции, Л.П. Яковлев систематизирует свои знания и пишет более двух тысяч новых описаний памятников, каждое из которых является

серьезным историческим и архивным исследованием (Смирнова 1973, 34, 36). Безусловно, при столь глобальном объеме работ Яковлев иногда допускал ошибки, неправильно идентифицировал те или иные предметы оружия, но все эти огрехи никоим образом не умаляют его научных заслуг, вряд ли профессиональный историк сделал бы на его месте большее.

Можно предполагать, что Л.П. Яковлев был большим любителем оружия, отлично разбирался как в сложных технических системах, так и в качестве отделки. В современном собрании Музеев Московского Кремля сохранилась иранская сабля шамшир, принадлежавшая самому Яковлеву[26]. Возможно, он интересовался булатом и его разновидностями. Однако из текстов его описаний, в отличие от вышедших уже значительно позднее публикаций Э.Э. Ленца, работавшего с коллекцией оружия Эрмитажа, мы не можем делать выводов, различал ли Яковлев сорта булата, ясно ли представлял себе отличия булатного и дамаскового оружия. Насколько мы можем судить, сам Ленц не был знаком с коллекцией Московской Оружейной палаты и не использовал ее памятники в качестве аналогов для атрибуции оружия из собрания эрмитажного Арсенала (Ленц 1908), хотя и ссылался на аналоги из собрания Московской Оружейной палаты при публикаци коллекции оружия графа С.Д. Шереметьева, но проводил он эти аналогии не по самим памятникам, а по их описаниям в описи холодного оружия Московской Оружейной палаты, опубликованной в 1885 г. (Ленц 1895). В свою очередь составитель этой описи Л.П. Яковлев далеко не всегда правильно разбирал текст архивных документов и понимал их смысл, но при таком огромном объеме работы не приходится удивляться относительно редким случаям его невнимательности, вызванной, возможно, усталостью и перенапряжением. Иногда, очевидно, ему просто не хватало исторических знаний и осторожности современного исследователя для трактовки формулировок источников.

Это относится, в том числе, и к оружию из булата. Например, там, где в тексте Переписной книги 1686/87 гг. было написано «полоса булатная», Яковлев уверенно писал «полоса русская, XVII века, булатная, турецкого образца», несмотря на то, что на хвостовике полосы частично сохранилось выбитое клеймо с арабской надписью[27]. Часто Яковлев записывал в качестве русских полосы, у которых в Переписной книге не было указано место производства, но было указано «на какой выков», т.е. по какому образцу они сделаны, видимо, априорно считая, что если сделано, например, не в Турции или Иране, но на «турский» или, скажем, на «кизылбашский» выков, это сделано именно в России. Всего в качестве русских булатных Яковлевым были обозначены шесть сабельных полос и клинки пяти сабель.

Таким образом, на основании описи холодного оружия Оружейной палаты 1885 г. можно было сделать вывод о существовании ряда булатных клинков русской работы. Следующий шаг в теме русского булата был сделан В.Ф. Железновым, написавшим статью «Исторические сведения о булатах в России», изданную в качестве приложения к статье Н.Т. Беляева «О булатах» в 1906 г.

[26] Инв. № ММК Ор-4504/1-2.

[27] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 № 2; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С. 233-234. № ОП 6031.

(Железнов 1906). Владимир Феофилактович Железнов был потомственным дворянином, посвятившим себя военной службе, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и был произведен в офицеры в комплект Уральских казачьих полков в 1884 г.[28] Однако помимо военного, он имел и историческое образование, в 1903 г. он окончил Санкт-Петербургский Археологический институт. Его работу отличает исследовательская добросовестность, желание опереться на опубликованные к тому времени письменные исторические источники. В частности, он ссылался на публикации источников Н.И. Веселовским (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией), публикации «Актов исторических», собранных и изданных Археографической комиссией в 1841-1842 гг., А.Е. Викторова «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584-1725 г.» и И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей». В работе Железнова неоднократно встречаются и ссылки на материалы Описей оружия Московской Оружейной палаты, в частности тома, посвященного холодному оружию. Собственно, собранные Железновым и приведенные им в этой статье исторические сведения и ссылки на источники далее будут до нашего времени перекочевывать из одной публикации, посвященной булату в России, в другую.

Железнов отнес первое упоминание булата в России к 1504-1505 гг., сославшись на духовную грамоту князей Ивана и Федора Волоцких, где была упомянута «одна сабля булатная гирейская» (Ук. соч., 40) (О более раннем упоминании булата в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, путешествие которого в настоящий момент датируется 1471-1474 гг. (Словарь книжников и книжности Древней Руси 1988, 82), Железнов, очевидно, не знал. Описывая Индию, Афанасий Никитин упоминал слонов, облаченных в булатные доспехи (Изборник. Повести Древней Руси. 1986, 288)). Далее, по мнению Железнова, в источниках упоминания о булате пропадают до правления царя Федора Ивановича, в которое в качестве «поминков» от персидских послов в царскую казну попадают булатные сабли и полосы, а также шлем, щит, наручи и нож.

После Смутного времени, по утверждению автора, в русских документах появляется дифференциация булатных клинков: кашанский, ширязский и кизылбашской – Железнов, понимая, что клинки названы по месту своего изготовления, затруднялся указать, в чем могла быть разница между ними. На наш взгляд, причиной этого было то, что Железнов пытался притянуть эти обозначения к сортам булата, а не к типу клинка, он не учитывал, что сабельные полосы помимо материала (булата) могли отличаться друг от друга и своей конструкцией (шириной клинка, изгибом, отсутствием или наличием елмани и долов, и т.д.). К первой половине XVII в. Железнов относил первые упоминания об изготовлении оружия из булата в России: сведения об изготовлении «ножевным» мастером Богданом Игнатьевым ножей из булата и зерцал булатных мастером Дмитрием Коноваловым, почерпнутые им у Викторова (Железнов 1906, 43).

[28] Железнов В.Ф. принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах, умер в 1920 г. В 1805 г. был призведен в полковники, в 1916 – в генерал-майоры, поочередно командовал 1 и 2 бригадами Уссурийской конной дивизии.

Самих архивных источников Железнов явно не читал, используя только заголовки дел, опубликованные Викторовым. Отсутствие работы непосредственно с архивными документами, а также составленных на основе личных наблюдений описаний вещей из собрания Оружейной палаты, станет общей чертой большей части литературы, посвященной «русскому булату», и породит все дальнейшие спорные гипотезы и утверждения.

Так, например, Железнов писал о желании царя Алексея Михайловича завести в России производство булата, для чего он пытался послать учеников для обучения изготовлению сабельных полос и панцырного дела. Но Железнов знал только опубликованные в «Актах исторических» письма царя Алексея Михайловича Астраханскому воеводе князю Черкасскому от 30 июня 1660 г. и 24 апреля 1661 г., в которых содержалась просьба найти мастеров – «булатного сабельного дела сварщиков», чтобы они обучили русских учеников своему мастерству, но совершенно не знал результатов этого дела. Тем не менее, он сделал очень смелый вывод: «что труды царя Алексея Михайловича не пропали даром, видно хотя бы из той массы всевозможного оружия из булата, дошедших до нас и сохраняемых в Оружейной палате работ русских мастеров» (Указ. соч., 44). Этот тезис о влиянии, оказанном посылкой учеников в Астрахань на изготовление булатного оружия в России, встречается и в современной научной литературе (Малоземова 2017, 162).

Действительно, в начале 1660-х гг. руководством Оружейной палаты был предпринят ряд шагов, направленных на восполнение острого дефицита специалистов, способных изготавливать сабли и доспех высокого достоинства. В 1660 г. из Оружейной палаты в Астрахань была отправлена группа учеников «для учения булатных сабельных полос и панцирей». Им были выданы деньги на проезд, определена плата за время обучения и жалование мастерам, у которых они должны были обучаться (Ларченко 1984, 186).

Понимая, что быстрого эффекта от этого шага ожидать нельзя, руководство ведомства в 1661 г. обратилось к астраханскому воеводе князю Григорию Сунчелеевичу Черкасскому с товарищами, потребовав прислать в Москву «черкас пансырного дела самых добрых мастеров, да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров». Оружейников предписывалось уговаривать, обнадеживая государевой милостью. «По нашему великого государя указу велено дать поденного корму пансырного и булатного дела мастером по 16 алтын на день. А то им, мастером, наш, великого государя, указ велено сказать, как они, мастеры, по нашему, великого государя, указу будут на Москве и мы, великий государь, мастеров пожалуем, велим им ученить свое государево годовое полное жалование и корм болшой. А как они, мастеры, похотят в свои домы, и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуем, велим их отпустить в свои домы по прежнему»[29]. Однако,

[29] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д.7714 О призыве в Москву из Астрахани мастеров панцирного, укладного сварочного дела Л. 1.

РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д.7849 Грамота в Астрахань воеводе кн.Г.С. Черкасскому о высылке в Москву панцирного, булатного сабельного дела сварщиков лучших мастеров Лл. 1-2.

РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 8004 Грамоты в Астрахань к кн. Г.С. Черкасскому о присылке в Москву черкас мастеров пансырного дела, сварщиков да булатного сабельного. Лл. 1-4.

несмотря на троекратную посылку грамот воеводе, сабельные мастера «черкасы» в Оружейной палате так и не появились.

В 1664 г. в Москву из Астрахани прибыли ученики панцирного и сабельного дела. Группа состояла из восьми сабельников и трех человек «пансырного дела». Из числа отправленных из Москвы в 1660-м г. среди них оказались лишь двое - «сабельного дела» Иван Анисимов и «пансырник» Якубка Яковлев[30]. Остальные, насколько позволяют судить выявленные документы, были ранее «прибраны» воеводой кн. Г.С. Черкасским в Астрахани и определены в ученики к местным мастерам[31]. Однако руководство Оружейной палаты ожидало разочарование. «В расспросе» восемь учеников сабельного дела сообщили: «учились они в Астрахани у черкашенина у Елчека Казакова сабелному черкаскому делу. К полосе черкаской булатной краску припускают, делают они ножны с оправою медною по черкаски, и в лице поставят и вычистят, а полос булатных они не делают». А трое «пансырного дела» сказали: «новых пансырей они не делают, а починяют старые, а иного дела, опричь того, ничего не делают»[32] (Тальман 1948, 81). Не принесла успеха и попытка в 1662 г. пригласить непосредственно из Персии панцирных и сабельных мастеров, «которые умели [бы] булатные и железные сабли заваривать доброю кизылбашскою и черкескою заваркою <…> чтоб и на Москве научить учеников»[33].

К мастерам, делавшим булатное оружие, ссылаясь на описи Московской Оружейной палаты, Железнов причислил Тренку Акатова, указав, что тот изготовил две булатные сабли, Федора Константинова, сделавшего царю в 1643 г. бахтерец и бутурлыки из красного булата, Кузьму Плотникова, делавшего в 1643 г. из красного булата копье калмыцкое и мисюрку, Дмитрия Рожка, сделавшего булаву из красного булата (Железнов 1906, 44). В этом списке мы также видим явные ошибки, происхождение которых сложно понять: по описи холодного оружия Оружейной палаты были записаны не две сабли, а две сабельных полосы работы Тренки (Терентия) Акатова, при этом обе были записаны как стальные[34]. Самих полос автор явно не видел: одна из них, записанная в описи под № 6033¸ как убедительно доказал В. Курмановский (Курмановский 2010, 156-157), не соответствует своему описанию в Переписной книге, где написано, что она сделана «на польский выков», что не соответствует конструкции полосы, атрибутированной Яковлевым как работы Тренки Акатова. Аналогичным образом обстоит дело и с двумя другими мастерами: Кузьмой Плотниковым и Дмитрием Рожком.

[30] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников Л. 3.
[31] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников. Лл. 1-5.
[32] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников. Лл. 4-5.
[33] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга содержащая отправление в Персию посольства Милославского 1662 г. Лл. 265-265 об.
[34] См. №№ 6033 и 6034 в Описи Московской Оружейной палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 235-236).

Мастер Кузьма Иванов сын Плотников (он же Кузьма Туленин) был принят в Оружейную палату в марте 1657 г. В своей челобитной он сообщает: «по твоему, великого государя, указу и по грамоте взят я, холоп твой, с Тулы к тебе, государю, к Москве в Ружейную палату. И сделал я, холоп твой, здесь, на Москве, тебе, великому государю, саблю красного железа, да я ж, холоп твой, зделал в твою государеву казну два копья, да гратик краснова ж железа, да я ж, холоп твой, зделал тебе, великому государю, турской красного железа ствол»[35]. 31-го марта по приказу окольничего и оружничьего Богдана Матвеевича Хитрово Кузьме дано было жалования «в приказ тульскому мастеру Куземке Плотникову рубль. Принес полосу сабельную на черкасское дело»[36]. Таким образом, в документах речь идет не о булате, а о красном железе, т.е. дамасской стали, с которой, безусловно, работал Кузьма Плотников.

Расходные записи Оружейного приказа 1657 г. подтверждают слова Кузьмы и содержат сведения о других работах тульского мастера: «Марта в 20 день тулскому мастеру Куземке на уголье десять алтын. Велено зделать полосу красного железа на черкаское дело. Июня 15 тулскому стволному мастеру Куземке Плотникову на железо и на уголье тринатцать алтын две денги. Велено зделать полосу сабелную красного железа. Июня в 16 день тулскому стволному мастеру Куземке Плотникову на железо, и на уголье, и на уклад рубль шеснатцать алтын четыре денги. Да ему ж, Куземке, вместо корму государева жалования рубль. Велено ему делать полосу красного железа да рогатину»[37].

Если в штате придворной оружейной мастерской - Бронного приказа в начале 1570-х гг. среди более чем ста оружейников высшее положение занимали мастера, делавшие доспех и сабли, то в росписи ремесленников Оружейной палаты 1645 г., присягавших царю Алексею Михайловичу, первыми написаны самопальные мастера (Альшиц 1949, 14). Четвертое место после Никиты Давыдова, Григория и Кондратия Вяткиных, занимал Дмитрий Роговик (Рожков, Рошков). О последнем мастере известно, что он работал и с холодным, и с огнестрельным оружием. В документах упоминаются наводная рогатина, наводная красного железа булава, а также пищаль «Дмитриева дела Рожка»[38].

Булава очень четко описана в Переписной книге Оружейной палаты: «Булава красного железа Дмитриева дела Рошка, сделана з долы, через дол наведено золотом, черен оправлен серебром

[35] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5793 Челобитные Старокузнецкой слободы замочных мастеров о выдаче им годового денежного жалования и кормовых денег. Л. 5, 7.
[36] Ф. 396 Оп. 2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов 7165 (1656-57) гг. Л. 83.
[37] Ф. 396 Оп. 2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов 7165 (1656-57) гг. Л. 75 об., 111 об. – 112.
[38] РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 3593 Роспись государевой оружейной казны. Л. 82
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 3650 Выписка о пожаловании оружничему Григорию Гавриловичу Пушкину рогатины Дмитриева дела Рошкова наводной 1 л.
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 5854 Об отпуске оружейной казны в государев Троицкий объезд Л. 2.
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 13566 Дело по извету самопального Тимофея Букина на самопального Фрола Миронова… Л. 2.

белым и золоченым, делана при боярине князе Борисе Александровиче Репнине»[39]. В современном собрании Музеев Московского Кремля эта булава не идентифицируется, дошедшей до нас работой Д. Рожка считается ножевая полоса, которую в XIX в. соединили с рукоятью индийского кинжала (инв. № ММК Ор-3889/1-2): «железцо ножевое красного булату Дмитриева дела Рожка»[40] (Илл. 37). Нынешнее состояние клинка не позволяет определить без дополнительной обработки материал, характерного рисунка булата на нем не видно. Следует, однако, учитывать, что уровень сложности кузнечной обработки булата напрямую связан с формой и размером оружия: чем длиннее клинок, тем более сложной является работа оружейника. Поэтому если мастер способен ковать из булата ножевые полосы, это совершенно не означает, что он сможет справиться с гораздо более сложной ковкой сабельной или палашной полос. Характерно, что в документах Оружейной палаты XVII в. встречаются булатные бухарские ножи, но нет упоминаний ни об одной бухарской сабле или сабельной полосе.

Илл. 37. Кинжал. Эфес – Индия, конец XVII – 1-я пол. XVIII вв., клинок - Россия, Москва, Оружейная палата, 2-я пол. XVII в., мастер Дмитрий Рожок. Инв. № Ор-3889/1.

Среди мастеров Оружейной палаты нам известны мастера, обладавшие навыками вторичной работы с булатом. Так, в октябре 1659 г. заплатили «ножевнику Андрюшке за булатное железо пять алтын. Выковал два ножика»41. Ножевого дела мастер Андрей Иванов был взят в Оружейную палату «после мора» на выморочное место чищельника Бориса Никитина с невысоким денежным окладом – 4 рубля на год[42].

[39] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 109 об. № 15.

[40] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 166 об. № 7.

[41] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты на жалование мастерам и на разные покупки (7168) 1659-1660 г. Л. 36.

[42] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5741 Память в приказ Большого дворца о выдаче хлебного жалования поступившим в Оружейную палату на выморочные места мастерам за 164 (1655/56) и 165 (1656/57) гг. Л. 1.
РГАДА Ф. 396 Оп.2 Д. 947. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа…7165 (1656-57) гг. Л. 58

В расходных книгах и столбцах можно найти несколько записей о приобретении в Оружейную палату булатной стали для изготовления ножиков для государя и приближенных[43]. В росписи пасхального подноса 1667 г. отмечено: «ножевник Федор делал 4 нож[ика] булатные с серебряною чеканною золоченою оправою и с каменьем великому государю и государыне царице и государям царевичам»[44]. Ножевого дела мастер «дуброветской мещенин» Федор Гаврилов был принят в Оружейную палату в 1658/59 г. с годовым окладом в 5 руб.[45] В 1667/68 гг. он получал денежное жалование (вместе, годовой оклад и поденный денежный корм) 12 руб. 15 алт. 5 денег в год[46].

Другой известной работой В.Ф. Железнова является «Указатель мастеров, русских и иноземцев горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII века» (Железнов 1907). В список мастеров-оружейников автор также включил мастеров другой специализации, связанных с металлообработкой и горнорудным делом. Всего в него вошло 1267 мастеров, в том числе 250 оружейников, из которых 47, по мнению Железнова, являлись мастерами Оружейной палаты первой половины XVII в. Сам Железнов не работал с архивными материалами, а пользовался публикациями, в которых содержались ссылки на архивные документы: приводились их заголовки или давались выдержки из текстов источников, а именно работы А. Е. Викторова, И. Е. Забелина, Ю.В. Арсеньева и И.П. Сахарова. Указатель Железнова устарел уже ко второй половине XX в. благодаря публикациям Н. Гордеева и М.Н. Ларченко, которые, основываясь непосредственно на архивных документах Оружейной палаты XVII в., не только значительно расширили список оружейников Оружейной палаты, но существенно уточнили датировку их произведений и время работы в придворных мастерских (Гордеев 1976, 24-25) (Ларченко 1976, 24-25).

Чрезвычайно любопытно упоминание о посылке в Персию с посольством Коробьина Тимофея Лучанинова «для изучения пищального и сабельного дела», откуда он вернулся в 1625 г. (Ларченко 1976, 32). Один из лучших мастеров Оружейной палаты Тимофей Лучанинов известен в первую очередь как самопальный мастер, работы которого являются подлинными шедеврами украшенного огнестрельного оружия; нам не известны никакие упоминания об изготовлении им сабель или иных предметов холодного оружия вообще, и из булата в частности.

Несколько иную интерпретацию этих исторических документов мы встречаем в монографии специалиста в области технологий металлов, теории и истории металлургии Ю.Г. Гуревича «Загадка булатного узора», в которой целая глава посвящена русскому булату (Гуревич 2010, 59-120).

[43] РГАДА Ф. 396 Оп.2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа… Л. 124 об.
РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 1659-1660 г. Приходная и расходная книги денежной казне… Л. 62 об.
РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 28935 О выдаче денежного жалования приказным и мастеровым Оружейной палаты Л. 18.

[44] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 10919 Роспись Оружейной палаты мастеровым людям русским и иноземцам, кто имянно какие приказные Оружейные дела делал великому государю в поднос в 175-м (1667) году и о даче им государева жалования. Л. 9.

[45] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 6511 Челобитные Оружейной палаты разных дел мастеров о выдаче денежного и хлебного жалования… Л. 17, 20.

[46] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 11823 Роспись мастерам Оружейной палаты…

Указанный автор также оперирует ранее опубликованными памятниками Оружейной палаты и связанными с ними опубликованными цитатами из источников. Автор делает совершенно справедливый вывод о том, что русские мастера умели делать дамаск (сварочный булат), умели выковывать клинки из слитков булата, но саму булатную сталь производить не могли (Указ. соч., 61, 64). Но эти выводы фактически целиком опираются на великолепное знание технологических процессов и необходимых для них условий, истории металлургии. Памятники из музейных собраний и источники рассмотрены крайне кратко и, по сути, отсылают читателя к работе Железнова.

К вопросу исторического исследования булата неоднократно в своих научно-популярных и популярных работах обращалась Е.В. Тихомирова, долгие годы работавшая с коллекцией оружия Музеев Московского Кремля. Одной из ее последних статей является работа «К вопросу об оружиеведческих исследованиях булата», целиком основанная на обращении к памятникам Оружейной палаты и Переписной книге 1686/87 гг. (Тихомирова 2012, 65-69). Е.В. Тихомирова справедливо замечает, что до настоящего времени историческое булатное оружие не изучено должным образом, научное сообщество не выработало общих подходов к его изучению. В основу своего исследовательского подхода в этой статье Е.В. Тихомирова положила изучение письменных источников, связанных с собранием Оружейной палаты Московского Кремля. Из самого дальнейшего текста статьи становится ясно, что, по сути, речь идет об одном единственном источнике – Переписной книге 1686/87 гг., а также автор использует материалы описи Оружейной палаты, составленной Л.П. Яковлевым и опубликованной в 1885 г. Явно были использованы и другие, не указанные в тексте источники. В отличие от Железнова, Тихомирова совершенно верно указывает на безрезультатность попыток обучить у черкес учеников изготавливать булатные клинки (Указ. соч., 69).

Из большого числа статей, посвященных булатному русскому оружию, статья Е.В. Тихомировой более всего близка к собственно историческому исследованию. Большим недостатком этой ее публикации, как и большей части остальных работ, входящих в тот же сборник научно-практической конференции, является полное отсутствие научно-справочного аппарата. Кроме того, целый ряд вопросов вызывают основные тезисы статьи. Так, например, Тихомирова пишет, что опись, составленная, по ее мнению, в 1687 г., была написана дьяками Оружейного приказа, и эти дьяки «досконально знали предмет, который записывали, проявляли высокий уровень познаний в области металла, … давали точное определение материала, из которого сделан тот или иной предмет» (Указ. соч., 66). С этим утверждением сложно согласиться. Как мы уже писали выше, комиссия, составлявшая Переписную книгу 1686/87 гг., состояла из служащих не Оружейной палаты, а других дворцовых ведомств. Для ревизоров при составлении описи главным было отразить степень соответствия количества хранящегося оружия, его сохранности, включая, в первую очередь, его целостность, совпадение счета драгоценных камней и деталей и т.д. предыдущей описи. В ряде сомнительных случаев ревизоров выручали консультации действующих

оружейников. Например, в тексте описи есть ссылка на «скаску» сабельного мастера Прохора Иванова, который определил как булат материал сабельных полос работы Реджаб-Али Исфаханского[47].

Сам автор статьи совершенно не затрагивает вопрос, в чем состояли различия между булатом и «красным железом», между сталью «демешковой» и «красным железом», чем является «красное железо», если оно не относится ни к булату, ни к дамаску, ни к обычной стали? Категорически нельзя согласиться с мнением Тихомировой, что определения описи «на кизылбашский, турский, черкасский, угорский, польский или литовский выков» являются «указаниями на особенности технологического процесса, которые по неизвестным нам критериям различались московскими дьяками XVII века» (Тихомирова 2012, 67-68). На наш взгляд, указание на выков напрямую свидетельствует о типе конструкции клинка, его форме, массе, размере, поскольку в разных странах и разных оружейных центрах были отличающиеся традиционные формы оружия, обусловленные традицией боевого применения. Это хорошо видно на примере полос черкасских или на черкасское дело, среди которых превалируют клинки с тонким острием, способным прокалывать кольчугу или панцырь. В разных центрах совершенно разным способом могли оформляться линия лезвия, елмань и долы, обух и пята. Но, к сожалению, этот аспект оказался полностью опущен автором.

Искреннее недоумение вызывают «цитаты» из источников, приводимые автором, например, из Переписной книги, где якобы «дана дополнительная оценка металла», как то: «турский выков «весьма хорошего булата»[48], «полоса турецкая булатная высокого достоинства»[49]. Язык этих цитат, а именно определения «весьма хорошего булата» или «высокого достоинства» не соответствуют лексике документа и попросту отсутствуют в нем. Кроме того, в таких дополнениях не было никакой необходимости: о качестве вещи говорила ее цена, ее расположение в описи относительно остального оружия. К сожалению, отсутствие сносок не позволяет установить, откуда именно автор почерпнул эти сведения.

Отдельно следует упомянуть малоизвестное даже специалистам обращение к теме булата известного отечественного оружиеведа В.В. Арендта. В частности, им совместно со специалистом в области металлургии профессором А.В. Сибилевым был проведен металлографический анализ стали турецких сабель (как их атрибутировал В.В. Арендт – В.Н.) VIII-XIV вв. (Арендт 1934, 337). В период с 1908 по 1914 г. Арендт вел научно-исследовательскую работу с коллекциями ряда крупнейших мировых собраний оружия, в том числе он работал с оружейными коллекциями Оружейной палаты. Сотрудничество с Оружейной палатой он продолжил и в 1924-1932 гг., выступая в качестве консультанта-оружиеведа[50]. В частности, 17 декабря 1927 г. Ученый совет

[47] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 об. № 3.
[48] Возможный источник цитаты - Опись Московской Оружейной палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 249) (№ 6078 и 6079).
[49] Возможный источник цитаты: Опись Московской Оружейной Палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 189) (№ 5932).
[50] Архив Государственного Эрмитажа Ф. 1. Оп. 5. Д. 1783 Жизнеописание В.В. Арендта. Лл. 2-3.

Оружейной палаты поручил В.В. Арендту и А.В. Сибилеву изучить литературу, посвященную булату, подготовить состав выставки, посвященной булатному оружию из собрания Оружейной палаты, отобрав экспонаты и составив тексты, которые должны были сопровождать эту экспозицию. Реставрационная подготовка к выставке оружия из булата (его очистка от ржавчины) была поручена совместно хранителю оружия Д.И. Успенскому и В.В. Арендту[51]. Выставка должна была пройти в 1928 г. в Доме бояр Романовых. Известно, что В.В. Арендт готовил к публикации труд, посвященный булатным клинкам, однако последовавший арест и расстрел ученого помешали этому, все неопубликованные научные материалы ученого, изъятые при аресте, были утрачены. При жизни Арендту удалось опубликовать в СССР только небольшой научно-популярный очерк, посвященный булатному оружию. В нем он, в частности, писал о том, что булат был хорошо знаком Московской Руси уже в XV веке, однако производство оружия из булата в России известно только в XVII в.: «к этой эпохе относятся дошедшие до нас памятники – холодное оружие и предметы предохранительного вооружения из булата, исполненные придворными московскими мастерами, работавшими в Оружейной палате». При этом Арендт писал не о выплавке в России самого булата, а только об изготовлении из него, как материала, оружия. По его мнению, изготовление оружия из булата в Оружейной палате никогда не имело массового характера производства, то есть речь шла исключительно о небольшом количестве эксклюзивных экземпляров, создаваемых в придворных оружейных мастерских (Арендт 1929, 27).

На настоящий момент никем из исследователей не выявлено ни одного достоверного свидетельства производства (выплавки) булатной стали русскими ремесленниками в этот период. При этом не вызывает никаких сомнений способность русских мастеров к вторичной обработке булата. Речь идет о создании булатного оружия из привезенных из-за рубежа слитков булата или переделке старого булатного оружия в новое. Сохранившиеся описи оружейной казны русских государей свидетельствуют о наличии существенных запасов булата в слитках и прутах. Согласно перечневой описи оружейной казны 1647 г., в палате хранилось «булату 80 криц (слитков – С.О, В.Н.) половинчатых, да 23 прута тянутых»[52]. В наказе отправлявшемуся в Персию посольству окольничего Ф.Я. Милославского 1662 г. содержалось указание приобрести «20 пуд булату красного самого доброго, 20 пуд булату синева»[53]. Согласно документу 1662-1664 гг., в запасах придворной оружейной мастерской находилось 30 криц и 19 прутов булата[54].

Единственным косвенным и небесспорным указанием на возможность плавки булата в России является упоминание о некоем кузнеце и булатном плавильщике в документе, датированном

[51] ОРГПФ ММК Ф, 20 оп. 1927 Д. 4 Протоколы заседания Ученого Совета Оружейной Палаты Лл. 85-85 об. Из-за протечек в здании, где должна была проходить выставка булата, ее открытие было перенесено на 1 марта 1928 г., однако сведений о том, состоялась она или нет, в архиве Оружейной палаты на настоящий момент не выявлено.

[52] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 3593 Роспись государевой оружейной казны. Л. 29.

[53] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга, содержащая отправление в Персию… Л. 262.

[54] РГАДА. Ф. 396 оп. 1. Д. 52091 [Опись имущества Оружейной палаты]. Опись имущества и оружия мастерской. Л. 6.

декабрем 1613 г. Текст документа имеет утраты, однако с высокой долей уверенности можно полагать, что он является повторением распоряжения владимирскому воеводе о сыске в Муромском уезде в селе Яковлевском мастера по имени Максим и присылке его в Москву с женой, пожитками и кузнечной снастью. В документе, датированном 21 сентября, мастер обозначен просто как кузнец (Арсеньев 1903, 338). Степень сохранности материалов делопроизводства Оружейного приказа первой половины XVII-го столетия уместно охарактеризовать как отрывоч ную. Лишь единичные источники содержат скудную информацию о мастерах, изготавливавших сабельные клинки.

О высоком уровне мастеров-клиночников, работавших в Москве в первой четверти XVII в., может свидетельствовать сабля работы мастера Ильи Просвита[55] ММК Ор-136/1-2, которая была записана в Переписную книгу 1686/87 гг. как тесак (Илл. 38-39). Нам не известно, входил ли мастер Просвит в штат Оружейной палаты – слишком мало сохранившихся документов от этого периода мы имеем в своем распоряжении. В Переписной книге, без указания материала, из которого откован клинок, этот «тесак» был записан как «московское дело»[56]. Надпись на обухе прорезного, украшенного великолепной насечкой клинка его работы говорит о том, что клинок изготовлен по указу ведавшего Оружейную палату Михаила Михайловича Салтыкова для царя Михаила Федоровича в пятый год его правления, т.е. в 1618 г.

Если сабля сделана по царскому указу, то, вероятнее всего, непосредственно в Москве. Ее клинок имеет сквозную прорезку вдоль обуха в виде растительного орнамента. Л.П. Яковлев отнес клинок сабли работы И. Просвита к булатным[57], хотя по характерной слоистой структуре стали ее можно со всей определенностью отнести к дамаску. Здесь мы наблюдаем то, что видели в случаях с другими памятниками: путаница между булатом, «красным железом», «демешком» и сталью, изначально существовавшая в Переписной книге, усугубилась ошибочными определениями вида стали в Описи собрания холодного оружия Оружейной палаты 1885 г. Надпись на клинке выполнена на русском языке латиницей, что, казалось бы, указывает на выходца из западных русских земель,

Илл. 38. Сабля работы мастера Ильи Просвита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1618 г. Инв. № Ор-136/1

[55] Нужно отметить, что имя мастера в надписи на клинке читается неуверенно. В XIX в. его читали как «Нил», в настоящее время принято читать «Илья». Прозвище (фамилия) передана как «Proswits».
[56] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 72 об. № 1; ММК инв. № ММК Ор-136/1-2.
[57] Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С. 156-158. № ОП 5902.

Илл. 39. Эфес и фрагмент клинка с золотой насечкой сабли работы мастера Ильи Просвита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1618 г. Инв. № Ор-136/1.

находившихся под властью Речи Посполитой. Однако орфография латинской надписи фактически не имеет ничего общего с польской и отчасти напоминает немецкую (передача «ч» через «tsch», «ц» через «tz», «sch» на месте «ж», «ss» на месте «с» и «s» на месте «з» между гласными, дограф «ae» в соответствии с русскими «а» и «е», удвоенные гласные «аа» и «ее»). Существует версия и о чешском («богемском») происхождении мастера) (Вельтман 1860, 239.). Фамилия Просвиц (Prosvic) достаточно широко распространена в Чехии, известны также носители фамилии (Proswitz) в Германии, преимущественно в западных районах (Пфальц, Северный Рейн – Вестфалия, Нижняя Саксония). Несмотря на то, что полоса сабли Просвита не булатная, прорезной клинок является уникальным и не имеет аналогов среди клинков русской работы XVII в. Стоит отметить, что в Европе XVI-XVII вв. существовала традиция изготовления прорезных клинков. Испанские и немецкие мастера-клиночники протачивали регулярные ажурные прорези разной формы, как правило, в долах палашных, шпажных, рапирных и кинжальных полос. Чаще всего эти прорези расположены в верхней (сильной) трети или половине клинка, не заходя на боевой конец. Подобные экземпляры клинков имеются и в собрании Музеев Московского Кремля (инв № ММК Ор-4373). Возможно, эта традиция распространилась в Европе под восточным влиянием: иранские

оружейники протачивали в сабельных, палашных, кинжальных клинках и наконечниках древкового оружия узкие прорези-пазы, иногда сквозные по плоскости клинка. Внутрь таких пазов помещались мелкие жемчужины или металлические шарики с тем, чтобы они могли свободно перекатываться внутри такой прорези. Известны и работы турецких кузнецов с подобными прорезными травами на клинке[58]. Возможно, Илья Просвит был знаком и с европейской, и с восточной техникой прорезки клинков. Однако прорезка клинка сабли работы Ильи Просвита намного ближе к орнаментальным прорезям немецких клиночников, чем к пазам для «жемчужин» иранских оружейников, и сделана несколько грубее в сравнении, например, с прорезными травами на наконечнике штандарта-алема из собрания Топкапы. Эта технологическая близость, на наш взгляд, косвенно может служить в пользу версии о немецком или богемском происхождении мастера.

Среди источников первой четверти XVII столетия мы можем обнаружить ряд упоминаний об искусстве русских мастеров сабельного дела. Еще Самуил Маскевич в 1610 г. писал в своих дневниках, что «все русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлены, что все, чего с рода не видывали, не только не делывали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: чепраки, сбруи, седла, сабли с золотою насечкою. Все вещи не уступят настоящим турецким» (Маскевич 1859, 47). Это замечание тем более ценно, что литовский офицер, гусар, во-первых, хорошо разбирался в качественном оружии, во-вторых, в целом был крайне негативного мнения о русских как нации и не склонен к безосновательным комплиментам в их адрес.

Вторым свидетельством может быть спор, произошедший между дядей невесты царя Михаила Федоровича Гаврилой Васильевичем Хлоповым и Михаилом Михайловичем Салтыковым: «…ходил государь в Оружейную палату и смотрил оружейныя казны, и поднесли де ко государю Турскую саблю и почали хвалить и Михайло де Салтыков говорил: что и на Москве государевы мастеры такую саблю сделают. И государь де пожаловал, тое саблю дал в руки ему Гавриле: и говорил ему: чает ли он, что такую саблю сделают на Москве? И он де говорил: что чает сделают, только чаю не такову, какова та. И Михайло тое саблю у него из рук вырвал и молвил, что он говорит незнаючи; и он де за то с Михайлом побранился и поговорил с Салтыковыми гораздо в разговор, и с тех де мест Борис да Михайло Салтыковы любити их не учали»[59].

Поскольку М.М. Салтыков ведал Оружейную палату, он мог реально представлять профессиональный уровень и качество изделий подведомственных ему оружейников. Кроме того, царь мог велеть изготовить в доказательство такую же саблю, как ту, о которой шел спор, и Салтыков не мог не знать, что за свои слова ему, возможно, придется держать ответ.

[58] См. каталог выставки «Сокровища османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы», кат. № 34, 39 (Сокровища османских султанов 2010, 102, 108).

[59] Следственное дело (в списке) по указу государя царя Михаила Федоровича о том: действительно ли нареченная невестою государю Девица Мария Хлопова во время пребывания ея во дворце одержима была болезнию какою именно и долго ли она потом продолжалась? – 1623 сентября 15 // СГГиД Ч. 3 СПб., 1822 № 63 С. 261-262.

В источниках, связанных с делопроизводством Оружейной палаты, мы встречаем сведения об изготовлении ее мастерами различных видов холодного оружия. Уже в росписях оружия времени царя Михаила Федоровича 147 (1638/39 гг.) и 151 (1642/43 гг.) перечислено немало холодного оружия московской работы: копья, булавы, сабли, рогатины, топоры, чекан. Однако с работой мастеров Оружейной палаты мы можем соотнести лишь один предмет: «Сулица молеваная Микитина дела Давыдова»[60].

Интереснейший документ относится к 1647 г. Чищельник Оружейной палаты Федот Никитин в своей челобитной сообщал, что по указу царя Михаила Федоровича «отдан я был в ученики к Олферу сабелнику и научен я сабель красных делать и полашей в красном железе гнутых. Да от того мастера отдан был другому мастеру, Хамуке черкашенину, и научен я от того мастера саблям булатным новым делать и кришной булат тянуть и сваривать, и припуску сабелному всяких розных полос от того мастера научен»[61].

Сабельный мастер Алфер (Олфер) Юрьев действительно состоял на службе в Оружейной палате в первой половине столетия. В росписи 1645 г. он написан шестым после станочного мастера Алфима Яковлева[62]. В описи походной казны царя Алексея Михайловича 1655 г. числилась «сабля, полоса красная зубатая Олферово дела»[63]. А в Переписной книге 1686/87 гг. вместе с ножевой булатной полосой работы Дмитрия Рожка было записано и «железцо ножевое Алферова ученика Федотки Микитина»[64]. Если булатный ножевой клинок Рожка был оценен в полтину, то «простое железцо» было оценено в три алтына две деньги[65].

Возможно, Алфер Юрьев обладал навыками вторичной работы с булатом и выделки из него сабельных клинков. В расходной книге Казенного двора 1637 г. присутствует запись «Маия в 3 день по государеву [м.т.] Михаила Федоровича указу по памяти за приписью подьячево Богдана Юрьева, государева жалования Оружейного приказу мастером Миките Давыдову, да Олферью Юрьеву по четыре аршина сукна аглинского вишневого по сороку алтын аршин. А пожаловал государь их за то, Микита государю челом ударил пару стволов пистолетных красных, а Олфер государю челом ударил полосою сабельною булатною» (курсив наш – В.К., В.Н., С.О.)[66]. Однако, как следует из челобитной Федота Никитина, у Алфера он учился делать дамасские клинки, а искусству ковать булатные сабли его обучал другой оружейник.

[60] РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 2948 Роспись оружейной казны ц. Михаила Федоровича на 13 лл. 147 (1638/39) гг. Л. 10.
[61] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 3630 Челобитная Оружейного приказа Федота Никитина об отставлении его от чищельников о даче ему на снасти к сабельному делу денег и о бытии ему в сабельных мастерах Л. 1.
[62] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 36421 Роспись самопальным стрельцам и оружейным всяких дел мастерам…Л.1.
[63]РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5692 Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске. Л. 35.
[64] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 166 об. № 7.
[65] Там же. Л. 167.
[66] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 292 Расходная книга товарам и вещам на жалование всяких чинов людям (1636-1637 г.) Лл. 228 об. -229.

О присутствии в составе придворной мастерской оружейника по имени Хамука (возможно от адыгского прозвища Хамуко) с прозвищем «Черкашенин» упоминаний не выявлено. Таким образом, работать с булатом и изготавливать из него оружие Федота учил проживавший в Москве оружейник – предположительно выходец с Кавказа. Загадкой остается, почему получивший столь ценные навыки Федот Никитин на момент челобитья оставался в чищельниках.

Интересную информацию о работах сабельных мастеров Оружейной палаты, в том числе и изготовлении булатных клинков, может дать сопоставление документов с сохранившимися в собрании Музеев Московского Кремля памятниками. Трижды в Переписной книге 1686/87 гг. нам встречаются булатные сабельные клинки «московского дела» (при этом «московского дела», на наш взгляд, следует понимать как указание именно на город Москву как центра производства, поскольку в описи употребляется и определение «полосы русское дело»[67]).

В первом случае, это «сабля полоса булату красного, выков черкасской московское дело, на полосе по два дола с опушкою с голоменем, на голомени по два долика…»[68]. К сожалению, ни сабля, ни полоса до нас не дошли. Мы можем предположить, что клинок мог быть черкасской работы, а московского дела была вся сабля в целом. Другой вариант интерпретации – сабля имела откованный в Москве клинок «на черкасский выков».

Во втором случае – это была «полоса булат синей московский выков на турское дело, на правой стороне голомя наведено золотом, да на той же стороне наведено золотом промеж перерывцов, на другой стороне мишень наведена золотом от пяты решетка и голомя с откошками. По обе стороны полосы долики спереди <...> до елмана долик же». Эта полоса была оценена в семь рублей – такую же сумму, как клинок работы Реджаба Али Исфаханского[69]. Клинок «московский выков» единственный во всей описи был назван «булат синей», то есть своим цветом или узором он отличался от обычного «булата красного».

Наконец, третий памятник, о котором мы можем предположительно говорить как о булатном клинке русской работы, это полоса «булат красной на турское дело, сделана из булатных головен, по обе стороны дол ширинской с опушкою». Эта полоса была оценена еще дороже – в семь рублей шестнадцать алтын четыре деньги, а в предыдущих описях она была записана седьмой, то есть выше полос работы Реджаба Али Исфаханского[70].

Эта полоса, инвентарный № ММК Ор-1395 (Илл. 40-44), сохранилась в современном музейном собрании. Ее действительно отличает очень высокий уровень кузнечной работы и красивый мелкосетчатый булатный узор стали. Изготовивший ее мастер явно подражал «турским» полосам, стремясь избежать оформления начала елмани выступом и сделать конец клинка относительно

[67] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 70 об. № 45.
[68] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 41.
[69] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 64 об. – 65.
[70] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 65.

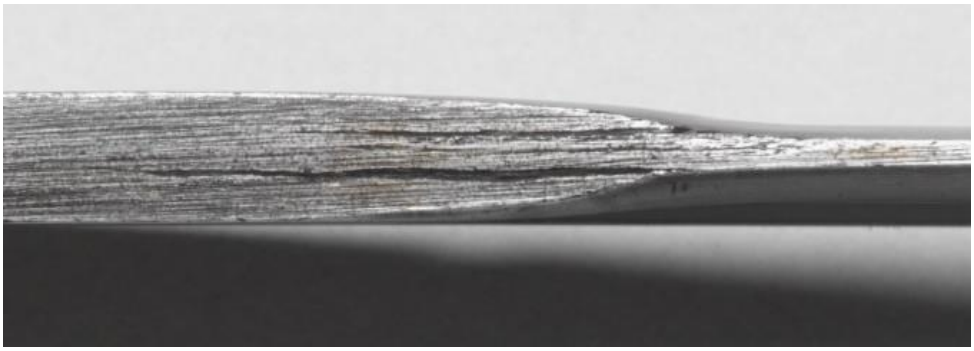
нешироким. Очевидно, здесь он шел «от противного», из чего можно предположить, что наиболее привычными ему были русские полосы «на польский выков» с огромной елманью, выделенной выступом и широким концом без четко выраженого острия. При этом, несмотря на высокое качество изделия, соблюсти турецкий канон мастеру не удалось. Клинок плавно расширяется к началу обратной заточки, однако конец обуха не отмечен пе реломом профиля. При этом размеры елмани

Илл. 40. Полоса сабли. Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-1395.

Илл. 41. Рисунок булатной стали в средней части клинка сабельной полосы.

Илл. 42. Рисунок булатной стали в области елмани сабельной полосы.

Илл. 43. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка сабельной полосы.



Илл. 44. Структура металла на обухе клинка.

(длина 335 мм, максимальная ширина 41 мм при ширине пяты клинка 36 мм) остаются очень большими, кривизна лезвия (111 мм) заметно больше, чем у турецких аналогов, что сближает клинок с русскими полосами «на польский выков».

Знать, что она сделана из булатных слитков, то есть головень, могли только в том случае, если ее делали либо непосредственно в Оружейной палате, либо по заказу придворного оружейного ведомства. В таком случае, вероятнее всего, что эта полоса, как и упоминавшиеся выше полосы булатные «московское дело» могли быть изготовлены в Москве, возможно, в самой Оружейной палате в первой половине XVII в.

В отношении этой сабельной полосы Яковлев, на наш взгляд, излишне вольно трактовал терминологию XVII в.: слова «из булатных головень» он трактовал как сделанную из обрезков булатных полос[71]. Объясняется это, возможно, тем, что Яковлев решил, что головень – это то же самое, что и сабельная голомень. Действительно, в документах Оружейной палаты фиксируются примеры, когда булатные клинки перековывались для изготовления нового. Такие примеры вторичной работы с булатом относятся к профессиональной биографии ведущего самопального мастера Оружейной палаты Григория Вяткина. В 1665/66 гг. он перековывал для царевича Алексея Алексеевича булатную сабельную полосу[72].

[71] Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С.234-235. № ОП 6032.
[72] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9816 О сделании в Серебряной Палате в Оружейный приказ разных серебряных дел… Л.5.

Особый интерес представляют клинки, выполненные в центральноевропейской традиции – на «польский», «литовский» или «угорский» выков из булатной стали. Для них, на наш взгляд, с большой долей вероятности можно предполагать изготовление в России. Клинки центральноевропейской традиции в комплексе Государевой Оружейной Палаты представлены двумя формами. Первую из них составляют клинки с четко выраженной елманью большого размера (иногда длиной более 300 мм и максимальной шириной на 8 мм больше ширины пяты клинка), образованной ступенчатым выступом обуха клинка. При этом обратная заточка начинается на некотором расстоянии от выступа. В польском оружиеведении такая конструкция елмани называется «pióro z młotkiem». Клинки имеют крупные размеры, большую кривизну и слабовыраженное острие. Наиболее близкими аналогами таких клинков оказываются клинки венгерских сабель XVI в., а также польских «боевых карабел» XVII в. По размерам и особенностям оформления острия русские клинки из Оружейной Палаты отличаются от представленных в собрании «немецких» сабельных полос аналогичной конструкции. Среди булатных клинков подобной формы оказывается клинок сабли ММК Ор-139 («Сабля булат красной, выков на литовское дело, полоса мелкие долики на угорской выков»)[73] (Илл. 45-48), а также, возможно, сабельная полоса ММК Ор-762 (клинок сильно зашлифован, узор почти не читается) (Илл. 49-53). Обе булатные полосы имеют «долики мелкие» - по 6 узких долов, к концу клинка и началу елмани сходящихся вместе и завершающихся острыми концами.

Вторая форма клинков центральноевропейского происхождения – это клинки с раскованным широким обоюдоострым концом без выраженной елмани. Такие клинки известны на «венгерско-польских» саблях, но наиболее характерны для сабель с «полузакрытыми» эфесами, а также польских «гусарских» сабель XVII в. Для клинков подобной конструкции из Оружейной Палаты характерна небольшая кривизна. Наиболее распространенный вариант сечения – два широких дола, разделенных ребром. Булатные клинки такой конструкции представлены единственным экземпляром. Это клинок саб ли ММК Ор-140, в Описи 1687 г. описанный как «полоса булат красной на полской выков, на полосе на обеих сторонах терты по два дола, промеж ими долик узенкой»[74] (Илл. 54-56). Впрочем, этот клинок, вероятнее всего, имеетхарактерны для сабель с «полузакрытыми» эфесами, а также польских «гусарских» сабель XVII в. Для клинков подобной конструкции из Оружейной Палаты характерна небольшая кривизна. Наиболее распространенный вариант сечения – два широких дола, разделенных ребром. Булатные клинки такой конструкции представлены единственным экземпляром. Это клинок сабли ММК Ор-140, в Описи 1687 г. описанный как «полоса булат красной на полской выков, на полосе на обеих сторонах терты по два

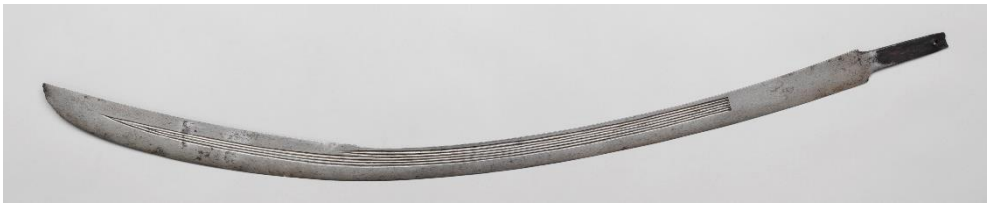
[73] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 37.
[74] Там же. Л. 46.

Илл. 45. Сабля «большого наряда». Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-139/1.

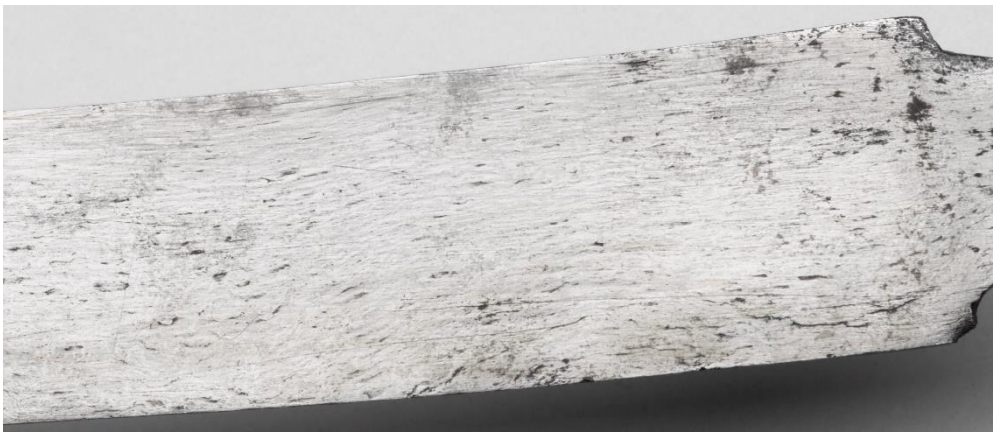
Илл. 46. Эфес сабли.

Илл. 47. Узор булатной стали в средней части клинка сабли.

Илл. 48. Узор булатной стали на боевом конце клинка сабли.



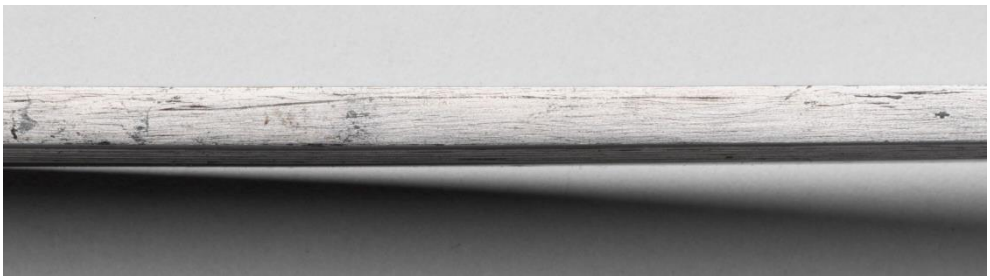
Илл. 49. Полоса сабли Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-762.



Илл. 50. Рисунок булатной стали у основания клинка сабельной полосы.

Илл. 51. Рисунок булатной стали в нижней части клинка сабельной полосы.

Илл. 52. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка сабельной полосы.



Илл. 53. Структура металла на обухе клинка.

дола, промеж ими долик узенкой»[75] (Илл. 54-56). Впрочем, этот клинок, вероятнее всего, имеет восточное, предположительно иранское происхождение: на внешней стороне клинка сохранились следы от имевшегося ранее, а в настоящий момент совершенно затертого картуша - набитые канфарником точечные углубления под насечку цветным металлом. И картуш, и сам клинок в целом сильно затерты при образивной обработке клинка, но рисунок булата отчетливо читается внутри долов.

Лучшие сабли и сабельные полосы, изготовленные в России и сохранившиеся в собрании Музеев Московского Кремля, датируются либо во время пребывания в должности заведующего Оружейной палатой боярина князя Бориса Александровича Репнина, либо сразу после него, то есть в период 1638-1647 гг. Еще более ранним периодом датируется сабля инв. № ММК Ор-139/1-2. Ее клинок из

Илл. 54. Сабля. Эфес - Россия (?), XVII в., клинок – Иран (?), 1-я пол. XVII в.

[75] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 46.

Илл. 55. Эфес сабли и фрагмент клинка с внешней стороны. На клинке в долах видны остатки рисунка булатной стали и следы затертого клейма в долах.

Илл. 56. Фрагмент клинка с внутренней стороны.

красного булата «выков на литовское дело» согласно сохранившимся документам был изготовлен в Оружейной палате при возглавлявшем Оружейный приказ стольнике Василии Ивановиче Стрешневе. В 1654-1656 гг. она вошла в состав походной оружейной казны царя Алексея Михайловича[76]. Выше упоминалась запись о поднесении в мае 1637 г. царю Михаилу Федоровичу сабельным мастером Алфером Юрьевым булатной полосы[77].

С большой долей осторожности, но все-таки можно утверждать, что в первой половине XVII в. в Москве работали сабельные мастера, умевшие высококачественно обрабатывать булат и изготавливать из него сабельные клинки.

[76] См. (Государева Оружейная палата 2002, 152-153; 335-336), там же Кат. № 37.
[77] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 292 Расходная книга товарам и вещам на жалование всяких чинов людям (1636-1637 г.) Лл. 228 об. -229.

Исследуя вопрос о создании холодного оружия в Оружейной плате XVII века, следует принимать во внимание одно важное обстоятельство. В документах ведомства сабельными мастерами или сабельниками часто называли т.н. «сабельных придельщиков» или «огнивщиков» - специалистов, изготавливавших и монтировавших прибор к готовым сабельным полосам. Непосредственно ковкой сабельных клинков эти мастера не занимались, хотя отдельные работы по металлу, как правило невысокой сложности, они иногда выполняли. Кроме того, они «припускали» булатные и дамасские сабли – протравливали полосы, выявляя на них рисунок металла высокого достоинства. В XVII столетии к вопросу о поддержании и выявлении на металле рисунка, свидетельствующего о его высоком достоинстве, относились весьма внимательно. Для «припуску» дамасского и булатного оружия и доспеха в Оружейную палату приобретали специальный состав – «зак кизилбашской», или выдавали деньги мастерам, которые сами готовили необходимый реактив. Известно, что в его состав входили купорос, сулема, нефть, «немецкой купорос», нашатырь, селитра и «ренской уксус» (к сожалению, в документе не указаны пропорции)[78]. Помимо сабельных придельщиков иногда такую работу выполняли чищельники.

Ряд источников сообщают нам о создании по заказу руководства Оружейной палаты сабельных коинков в 1670-е гг. Но документы из архива Оружейной палаты опровергают этот тезис. В июне 1671 г. «Устюжские сотни тяглецу Агапиту Денисову от дву полос сабелных сталных от точки по уговору пять алтын. А по указу великого государя те полосы велено ему точить, те полосы и в лице поставить, которые он полосы ковал против обрасца в Оружейную полату»[79]. В августе следующего 1672 г. вновь было выплачено «сабелнику Агапу Денисову от трех полос сабелных сталных от ковки, и от дела, и на уголье, и от точки - тритцать алтын. А по указу великого государя ковал он и оттачивал три полосы сабельные по наряду в Оружейную палату»[80].

В апреле 1673 г. этот мастер подал челобитную в Оружейный приказ: «Бьет челом сирота твой Устюские полусотни тяглец Агабко Денисов. Работал я тебе, великому государю, семь сабель и шпаг, да саблю булатную ис криц, да другую саблю переправливал старую булатную. И всех тех сабель деветь. Милосердый государь [м.т.] Алексей Михайлович, пожалуй меня, сироту своего, за мое работишко чем тебе великому государю Бог известит». Значительный интерес представляет приказная выписка, составленная по челобитной сабельника. «В прошлом во 179-м (1671) году июня в 17 день по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово <…> велено Устюские сотни тяглецу Агапку Денисову выковать вновь и выточить и в лице поставить четыре полосы сабельные стальные против обрасцовой полосы. Да июля в 19 день ему ж Агапу Денисову велено выковать вновь и выточить и в лице поставить три полосы сабелные сталные, одну зубчатую две гладких. Да в нынешнем во 181-м (1672) году декабря в 10 день по указу великого государя и

[78] РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 13532 Денежные выписки об уплате за товары и мастеровым людям Л. 38.
[79] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13447 Ч. 2Список о денежном жаловании Оп подьячим, приставам и разных дел мастеровым … Л. 264.
[80] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13799 Выписки по коим выдано было денег мастеровым и торговым людям за покупные товары… Л. 73.

по приказу боярина и оружничего <…> вынято из Оружейные болшие казны три полосы сабелные булатные кизылбашские, а приказал ис тех полос выковать вновь против обрасцовые сабельные полосы булатные ж, которая взята на образец после смерти боярина князя Григорья Сунчелеевича Черкаского. И того ж числа те полосы отданы из Оружейные полаты Устюжские сотни тяглецу сабельного дела мастеру ему ж, Агапу Денисову, да астарахонцом отставленным приделщиком Васке Трофимову да Петрушке Григорьеву. А велено их перековать против обрасцовые сабелные полосы, по полосе человеку. Всего выковал он, Агап, деветь полос сабелных и в том числе семь полос сталных, две полосы булатных. А те полосы ковал он по наряду в Оружейную полату»[81].

Более поздний документ содержит краткое описание сабли кн. Г.С. Черкасского, что была дана мастеру «на образец». В 1683 г. кн. Даниил Григорьевич Черкасский обратился с просьбой зачесть в счет его долга перед казной стоимость панциря и сабли, взятых в Оружейную палату после смерти отца. «В Оружейной полате в приходной книге 181-го (1672/73) году написано: сентября в 28 день по указу блаженные памяти [м.т.] Алексея Михайловича и по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово взято в Оружейную полату после смерти боярина князя Григорья Сунчелеевича Черкасского: пансырь черкасской коленной в коженом лагалище да сабля, полоса булатная уская, с одну сторону от устья и во всю полосу наведена золотом, ножны покрыты гзом черным, по другую сторону покрыта берестом, черен покрыт ящуром зернистым, на ножнах оправы, две обоймицы и наконечник, и крыж и наболдашник серебреные золочены резные местами по белой земле. И тот пансырь и сабля переложены в Болшую Оружейную казну. А по осмотру в оружейной Болшой казне того панцыря налицо нет, а кому отдан, того в Оружейной полате не сыскано. А сабля в Оружейной болшой казне ныне налицо есть. А по нынешней оценке той сабле цена 30 рублев»[82].

Относительно изготовления русскими мастерами холодного оружия и доспеха из дамасской стали можно привести следующие сведения. Документы текущего делопроизводства Оружейного приказа свидетельствуют, что в службе в придворной мастерской упомянутого выше тульского мастера Кузьмы Иванова сына Плотникова был перерыв. «В нынешнем во 181-м (1673) году марта в 10 день по приказу оружничьего Богдана Матвеевича Хитрово <…> велено быть в Оружейной палате вновь (курсив мой – С.О.) стволного дела красного железа Куске Плотникову. И велено ему учить учеников Ромашку да Пронку Камаевых, чтоб они умели делать полосы сабелные, шапки мисюрки, стволы винтованные красного железа». В документе содержится выписка, учиненная по челобитной ученика Кузьмы – Прохора Камаева. «А ныне к подносу (пасхальному – С.О.) делал он с мастером своим две полосы сабелные, да два черепа к шапкам мисюркам, да копье ис красного железа»[83].

[81] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 14287 Челобитная Устюжской полусотни тяглеца о выдаче ему денег за работу сабельных полос Л. 1-5.
[82] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 21474 Выписка по челобитной кн. Даниила Черкасского о взятой у отца его в ОП сабле и панцыре. Л. 1-4.
[83] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13917 Челобитные ствольного дела мастеров и учеников о прибавке им жалования Л. 28-32.

Изготовление оружия из булата, по мнению Железнова, прекратилось в России после смерти царя Алексея Михайловича (Железнов 1906, 44). В июле 1677 г. из Оружейной палаты было выплачено «Бронные слободы тяглецу сабелного дела мастеру Оске Васильеву на железо и на уголье по ево скаске два рубли. <…> Зделал он в Оружейную полату две полосы сабелные з долами красного железа, и в том числе одна дол ширинской, а у другой на черкаское дело с шивыком (штыком? - С.О.) с мелкими долами»[84]. В октябре 1678 г. «по железу резного дела мастеру Борису Крыгару да ствольного дела красного железа мастеру Проньке Камаеву на двадцать кулей уголья по шти денег за куль <…> А по указу великого государя, велено Бориску и Проньке выковать две полосы сабельных противу обрасцовой полосы на турецкое дело»[85]. К сожалению, в документе не сказано, из какой стали была «образцовая полоса на турецкое дело».

К 1680-81 гг. относится единственный известный случай, когда самопальным мастером Григорием Вяткиным был целиком создан предмет холодного оружия, включавший в себя детали как из дамасской, так и из булатной стали. Расходный столп содержит упоминание о том, что в октябре 1680 г. Г. Вяткиным был изготовлен «обушок красного железа» по образцу некоего «обушка наводного» 1679 г. В качестве парадно-церемониального оружия обушки (предположительно, род топорика с выраженной обуховой частью)[86] использовались при посольских встречах и государевых походах в 1670-х - 1680-х гг. В марте 1681 г. мастер получил указание дополнить обушок новыми деталями и украсить его золотой насечкой. 28 апреля у тяглеца Огородной слободы Ивана Федорова был куплен «тулумбас булатной ветчаной» (т.е. ветхий - С.О.). «А по указу великого государя тот тулунбас куплен, по скаске стволного и замочного дела мастеру Григорья Вяткина(?), к наводному золотому обушку красного железа на трубку и на наконечник к черену. А зделав к тому обушку наконечник и сверху трубку, навесть по тому булату золотом же. И тот тулунбас для того дела ему, Григорью Вяткину из Оружейной палаты отдан»[87].

В марте 1685 г. «ствольного дела мастеру Раману Анисимову сыну Комаеву на дватцать на четыре меха уголья против прежние дачи по четыре деньги за мех <…> Велено зделать вновь великим государем два обушка красного железа на персидский образец и навесть золотом. Деревья немецкого дерева.[88] В числе подносных вещей, которые мастерам Оружейной палаты указано было изготовить к Пасхе 1685 г., фигурировал булатный нож[89].

Плохая сохранность материалов делопроизводства Оружейной палаты первой половины XVII столетия не позволяет сделать уверенных выводов относительно степени развитости производства

[84] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 958 Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1676-1677 гг. Л. 425.
РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 16768 О даче Бронной слободы тяглецу сабельному мастеру Осипу Васильеву денег на сделание двух полос сабельных Л. 1.
[85] РГАДА ф. 396 Оп. 1 Д.17566 О сделании сабельных полос, стволов пищальных, станков и ножен… Л 1-2.
[86] «Obuszek» был широко распространен среди шляхты Речи Посполитой и представлял собой небольшой клевец или топорик-чекан на длинном топорище, используемом в качестве трости.
[87] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 20215 Расходный столп по покупке разных материалов. Л. 36, 96-97.
[88] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 23167 О выдаче денег ствольным мастерам на покупку уголья для сделания двух пар стволов пищальных и замков, и двух обушков в поднос государем к неделе Святые Пасхи. Л. 2.
[89] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 23133 О сделании в поднос разных вещей… Л. 1.

холодного оружия из металла высокого достоинства в придворной мастерской. Тем не менее, на основании обобщения и анализа выявленных источников складывается впечатление, что она была невелика. Мы располагаем немногочисленными упоминаниями в документах (включая Опись 1686/1687 г.) о русских мастерах-клиночниках, отдельными дошедшими до нас образцами булатных клинков, которые есть основания предположительно связывать с русскими мастерами (сабля Ор-139/1-2, сабельные полосы Ор-1395, Ор-762).

Из описей оружейной казны, столбцов текущего делопроизводства и приходо-расходных книг мы узнаем, что в русской столице было, по крайней мере, несколько мастеров, выполнявших или способных выполнить такую работу для Оружейной палаты, но принадлежность к штату ведомства документально подтверждена только для одного из них - Алфера Юрьева.

Вопрос о регулярном производстве сабельных клинков из обычной стали в Оружейной палате нуждается в дальнейшем исследовании. В составе государевой оружейной казны упоминанются крупные партии сабельных клинков «русского» и «московского» дела, но их создание в Оружейной палате источниками не подтверждено.

Несмотря на лучшую сохранность документов Оружейной палаты второй половины XVII века, штатных сабельных мастеров Оружейной палаты, изготавливавших сабельные клинки из булатной, дамасской и даже обычной стали, не выявлено. (Особняком стоит сюжет с изготовлением клинков двуручных мечей Андроном Ефремовым в 1656 г. (Орленко 2014, 58). В документах Оружейной палаты он фигурирует как сабельный мастер, сабельник, сабельный придельщик, огнивщик. О сабельных клинках его работы информации не обнаружено. В редких случаях, когда в источниках зафиксировано изготовление или переделка (перековка) сабельных клинков из булатной и дамасской стали царскими оружейниками, исполнителями выступают не сабельники, а специалисты других специальностей. В то же время, как и в первой половине столетия, в «послечумной период» документы фиксируют наличие в Москве сабельных мастеров, способных создавать клинки, в том числе и из булатной стали. Однако ни один из них не состоял в штате придворной мастерской. Более того, скорее можно говорить о том, что изготовление сабельных клинков вообще в этот период носило разовый и, можно сказать, «случайный» характер.

Мы можем констатировать, что и в первой, и во второй половине столетия руководством Оружейной палаты предпринимались попытки пополнить состав мастерской специалистами, умеющими делать сабельные полосы высокого достоинства, а также попытки организовать обучение таких специалистов. Также можно констатировать, что эти попытки не были достаточно последовательными и настойчивыми и не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. Зато число сабельных придельщиков среди мастеров Оружейной палаты второй половины столетия было весьма значительным. Исторического максимума, по всей вероятности, их число достигло в 1664 году. По росписи мастеровым людям, в штате придворной мастерской состояло шесть русских

сабельных придельщиков и семь т.н. «поляков»[90]. Еще восемь сабельных придельщиков, как было указано выше, в 1664 г. прибыли из Астрахани. Отметим, что в кремлевских арсеналах в этот период хранилось большое количество сабельных полос «немецкого» и «русского дела», к которым сабельными придельщиками в соответствии с установленными нормами выработки изготовлялись «сабли», т.е. ножны и рукояти.

Причиной подобного отношения могла быть уверенность руководства придворного оружейного ведомства в возможности удовлетворить потребности русского двора в высококлассном оружии и доспехе за счет ввоза необходимых предметов из-за рубежа – непосредственно из Ирана и Турции. Наказ посольству окольничего Ф.Я. Милославского 1662 г. включал в себя обширный список доспехов, оружия и оружейных полуфабрикатов, которые русским дипломатам было предписано закупить в Персии. Приведем выдержки из этого списка: «5 зерцал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зерцал кружчатых и четвероуголных булатных з золотым же наводом, 100 зерцал обычных кружчатых и четвероуголных, 100 наручей булатных же легких с наводом кизылбашских и черкесских розными обрасцы, 100 черепов булатных мисюрак с наводом золотым, 300 бармиц к шапком мисюрком всякими обрасцы, 10 шапак ерехонских красных булатных с наводом золотым, 1000 булатных железец стрелных красных розными обрасцы, пансырь доброй с воорудою доброю затейчивою, 100 пансырей пообычней <…> 100 полос сабелных булатных, 10 рогатин добрых с наводом золотым, 100 гротиков добрых с наводом золотым розными обрасцы, 10 пищалей красных с наводом золотым, 10 копей с древками и со орудою, 1000 железец стрелных черкесских…»[91]. Наряду с закупкой за рубежом, более или менее регулярно высококлассное оружие и доспех в государеву оружейную казну поступали в качестве дипломатических даров иностранных государей, подношений участников посольств, иноземных купцов и даже восточных православных иерархов.

[90] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 8930 Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела и что вновь велено делать, и кому за ними смотреть. Л. 4.

[91] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга, содержащая отправление в Персию посольства Милославского 1662 г. Л. 261 об. – 265.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сабли:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Описание клинка по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
1	Сабля полоса булат красной гладкая турской выков	Л. 27	ММК инв. № Ор-199/1-2
2	сабля полоса булатная	Л. 30	ММК инв. № Ор-197/1-2
3	сабля булатная	Л. 32 об.	ММК инв. № Ор-201/1-2
4	сабля полоса булат красный гладкая турской выков	Л. 33	ММК инв. № Ор-210/1-2
5	сабля полоса булат красной кизылбашской выков	Л. 34	ММК инв. № Ор-202/1-2
6	сабля булат красной турской выков	Л. 35	ММК инв. № Ор-137/1-2
8	сабля турская булат красной	Л. 36 об	ММК инв. № ОР-138/1-2
9	сабля булат красной выков на литовское дело полоса мелкие долики	Л. 37 об.	ММК инв. № Ор-139/1-2
12	сабля булат красной кизылбашской выков гладкая	Л. 40	ММК инв. № Ор-198/1-2
16	сабля полоса булату красной кизылбашской выков гладкой	Л. 44 об	ММК инв. № Ор-206/1-2
18	сабля полоса булат красной на полской выков	Л. 46 об	ММК инв. № Ор-140/1-2

24	сабля полоса булат красной выков турской	Л. 50 об	ММК инв. № Ор-142/1-2
25	сабля египецкая булат красной	Л. 51	ММК инв. № Ор-204/1-2
28	сабля булат красной дол кованой ширинской	Л. 52 об	ММК инв. № Ор-205/1-2

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Сабельные полосы:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Краткое описание по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
2	полоса булатная	Л. 62	ММК инв. № Ор-1388
3	восемь полос гладких по обе стороны от обуха наведены золотом…..и по осмотру и по скаске сабельного дела мастера Прохора Иванова те полосы булатные	62 об	ММК инв. №№ Ор-770, Ор-771, Ор-772, Ор-773, Ор-774, Ор-775, Ор-776, Ор-777
4	полоса булат красной турское дело	Л. 62 об	ММК инв. № Ор-1390
5	полоса булат красной кизылбашской	Л. 63	ММК инв. № Ор-1413
6	полоса булат красной гладкая кизылбашская	Л. 63 об	ММК инв. № Ор-769
7	полоса булатная гладкая	Л. 63 об	ММК инв. № Ор-788
8	полоса булат красной турского дела дол ширинской	Л. 64	ММК инв. № Ор-1409

10	полоса булат красной турское дело ширинской дол	Л. 64 об	ММК инв. № Ор-1364
12	полоса булат красной на турское дело сделана из булатных головень по обе стороны дол ширинской с опушкою…	Л. 65	ММК инв. № Ор-1395
13	полоса булатная черкасская с долами штыком на ней мишенца наведена золотом	Л. 65	ММК инв. № Ор-767
14	две полосы булатные турское дело на них долы ящиком с опушками	Л. 65	ММК инв. №№ Ор-1390, ОР-1377
16	полоса булат красной тевризская от тылья по обеим сторонам долики с перерывцами	Л. 65 об	ММК инв. № Ор-1408
18	полоса булатная гладкая прислана в оружейную палату с казенного двора в 149 году	Л. 66	ММК инв. № Ор-763
19	полоса булатная на полское дело с мелкими доликами	Л. 66	ММК инв. № Ор-762
21	двадцать полос булатных кизылбашской выков, в том числе на шти полосах мишени	Л. 66 об	ММК инв. №№ Ор-1410, Ор-791, Ор-778, Ор-782, Ор-785, Ор-1417

	врезывано золотом а в них слова арапские…		
21	…у семи полос слова арапские без золота		ММК инв. №№ Ор-790; Ор-1383, Ор-1416, Ор-1382
21	….семь полос без мишеней		ММК инв. № Ор-1415, Ор-1420, Ор-1419, Ор-1418, Ор-1391, Ор-784, Ор-1376
23	три полосы булатные кизылбашские с долами – есть только одна	Л. 67	ММК инв. № Ор-1411
24	три полосы булатные гладкие кизылбашские	Л. 67	ММК инв. № Ор-1379, Ор-1401
28	полоса булатная гладкая с долами кизылбашская	Л. 67 об	ММК инв. № Ор-1412
30	полоса демешковая с долами на полской выков	Л. 68	ММК инв. № Ор-1370
38	четыре полосы красного железа гладкие в том числе две штыком,	Л. 69	ММК инв. №№ Ор-781 и Ор-1402,– со штыком;
38	…..а две на черкасское дело	Л. 69	ММК инв. №№ Ор-766 и Ор-787
48	полоса красного железа ширинской дол на полской выков	Л. 71 об	ММК инв. № Ор-1423

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Булавы, шестоперы, топоры:

№ по Переписной книге	Краткое описание по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер

1686/87 гг.			
9	да сверх прежней описной книги булава булатная	Л. 105 об	ММК инв. № Ор-970
14	булава булатная кизылбашская с путиками	Л. 109	ММК инв. № Ор-3795
3	шестопер булатной	Л. 122	ММК инв. № Ор-963
1	Топорок персидской булатной золото врезывано на обеих сторонах и на обушке мишени ….	Л. 132 об.	ММК инв. № Ор-188
1	Два топора турские булат красной по обухи наведены золотом на обе стороны, под обухом по две мишени на обе стороны, под мишени в клеймах по орлу с корунами….	Л. 133 об.	ММК инв. № Ор-2234 ММК инв. № Ор-2235
2	Два топора турские булат красной, каймы по обухи наведены золотом на обе стороны, под обухи мишени и мишени по клейму, в клеймах по орлику с коруны по обе стороны наведены золотом, середи топоров репьи прорезаны….	Л. 134	ММК инв. № Ор-2238 ММК инв. № Ор-2239

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Палаши:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Описание клинка в Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
	Палаши с золотой оправой		
3	полаш полоса булатная на ней с обе стороны по два дола	Л. 75 об.	ММК инв. № Ор-196/1-2
	Палаши с серебряной оправой		
2	палаш булатной наведен с правой стороны золотом	Л. 78 об	ММК инв. № Ор-4444/1-2
3	палаш полоса булат красной	Л. 79	ММК инв. № Ор-4441/1-2
4	полаш полоса булатная	Л. 80 об	ММК инв. № Ор-4439/1-2
7	палаш полоса булатная	Л. 83	ММК инв. № Ор-4437/1-2
8	палаш полоса булатная	Л. 84	ММК инв. № Ор-194/1-2

Библиография

Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический Архив. Вып. 4. 3-71. М-Л., 1949.

Арендт В.В. К вопросу о «мечах харалужных» в Слова о полку Игореве // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л. 1934.

Арендт В.В. Булат // Искры науки. Издательство газеты «Гудок». Январь. 1929 г. № 1.

Арсеньев Ю. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским Археологическим институтом. Вып. XV СПб., 1903.

Вельтман А.Ф. Московская Оружейная Палата. Издание второе. М., 1860.

Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М. 1992.

Висковатов А.В. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению» Т. I. СПб. 1841.

Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

Государева Оружейная палата. Под редакцией В.Е. Тумановского. СПб. 2002.

Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1984. Вып. 4.

Гуревич Ю.Г. Загадка булатного узора. М. 2010.

Железнов В.Ф. Исторические сведения о булате в России // Беляев Н.Т. О булатах. (с приложением Исторических сведений о булате в России В.Ф. Железнова и Описания коллекции восточного оружия Д.К. Чернова) СПб. 1906.

Изборник. Повести Древней Руси. Сос. Л.А. Дмитриева. М. 1986.

Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI – XVII веков. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2010 РГБ OD 6110-7/440.

Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании Отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. 150-162. Тула, 2014.

Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII в. // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. II. 24-38. М. 1976.

Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. 185-192. М.: Искусство, 1984.

Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть I. Собрание оружия. СПб. 1908.

Ленц Э.Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб. 1895.

Малоземова Е. И. Иран и Россия в культурном диалоге: «русско-иранская» сабля из коллекции Государственного Эрмитажа // Россия-Иран: диалог культур. 159-165. СПб. 2017.

Маскевич С. Дневник 1594-1621 Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб. 1859.

Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885.

Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора в середине XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 22. 45-88. М., 2014.

Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под ред. В. Ф. Ржиги. Москва. 1961.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв. Под ред. Д.С. Лихачева. Ч. 1. Л. 1988.

Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие» Описи Московской Оружейной палаты // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. I. 34-40. М. 1973.

Сокровища османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы, Стамбул. Каталог выставки. М. 2010.

Средневековая андалузская проза. Сост. М.М. Малышев. М. 1985.

Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М. 1948

Тихомирова Е.В. К вопросу об оружиеведческих исследованиях булата // Состояние, проблемы и перспективы восстановления технологии получения дамасской стали, булата и металлических композитов. Под ред. Архангельского Л.Б. М., 2012.

Kwaśniewicz W. Szabla polska od XV do końca XVIII w. Zielona Góra, 1988.

References

Al'shic D.N. (1949). Novyj dokument o ljudjah i prikazah oprichnogo dvora Ivana Groznogo posle 1572 g. [A new document about the people and orders of the oprichnik court of Ivan the Terrible after 1572]. *Istoricheskij Arhiv* [Historical Archive]. Vyp. 4. 3-71. Moscow-Leningrad.

Arendt V.V. (1929). Bulat [Wootz]. *Iskry nauki* [Sparks of science]. Izdatel'stvo gazety «Gudok» Publ. January № 1.

Arendt V.V. (1934). K voprosu o «mechah haraluzhnyh» v Slova o polku Igoreve [On the issue of the “haraluzhny swords” in the The Tale of Igor's Campaign]. *Sbornik statej k sorokaletiju uchenoj dejatel'nosti akademika A.S. Orlova* [Collection of articles on the fortieth anniversary of the academic activities of academician A.S. Orlova]. L.

Arsen'ev Ju. (1903). Oruzhejnyj prikaz pri care Mihaile Fedoroviche [Order of Arms with Tsar Mikhail Fedorovich]. *Vestnik arheologii i istorii, izdavaemyj Sankt-Peterburgskim Arheologicheskim institutom* [Bulletin of Archeology and History, published by the St. Petersburg Archaeological Institute]. Vyp. XV. SPb.

Gordeev N.V. (1954). *Russkoe ognestrel'noe oruzhie i mastera-oruzhejniki Oruzhejnoj palaty XVII veka* [Russian firearms and master gunsmiths of the 17th century Kremlin Armory]. Moscow.

Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja [State museums of the Moscow Kremlin]. Vyp. 4. M.: Iskusstvo Publ., 1984.

Gosudareva Oruzhejnaja palata [Kremlin Armory]. Ed. V.E. Tumanovskogo. SPb., 2002.

Gurevich Ju.G. (2010). *Zagadka bulatnogo uzora* [Riddle of bulat pattern]. Moscow.

Izbornik. Povesti Drevnej Rusi [Handwritten collection. Tale of ancient Russia]. Ed. L.A. Dmitrieva. Moscow. 1986.

Kurmanovskij V.S. (2010). *Sabel'nye klinki v Rossii XVI – XVII vekov* [Saber blades in Russia XVI - XVII centuries]. Diss. kand. ist. nauk. [Thesis for the Candidate's Degree in Art history] Moscow. RGB OD 6110-7/440.

Kurmanovskij V.S. (2014). Sabli iz pozdnesrednevekovyh pogrebenij Kubanskoj oblasti v sobranii Otdela arheologii GIM [Sabers from the late medieval burials of the Kuban region in the collection of the Department of Archeology of the State Historical Museum]. *Voinskie tradicii v arheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ja* [Military traditions in the archaeological context: from the late late to the late Middle Ages]. 150-162. Tula.

Kwaśniewicz W. (1988). *Szabla polska od XV do końca XVIII w.* [Polish saber from the 15th to the 18th century]. Zielona Góra.

Larchenko M.N. (1976). Novye dannye o masterah-oruzhejnikah Oruzhejnoj palaty pervoj poloviny XVII v. [New data on the master gunsmiths of the Kremlin Armory in the first half of the seventeenth century]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and research. Moscow Kremlin Museums]. Vyp. II. 24-38. Moscow.

Larchenko M.N. (1984). K voprosu o rabote tak nazyvaemyh «pol'skih» masterov v Oruzhejnoj palate vo vtoroj polovine XVII veka [On the issue of the work of the so-called "Polish" masters in the Kremlin Armory in the second half of the XVII century]. *Materialy i issledovanija. Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Studies. State museums of the Moscow Kremlin]. Vyp. 4. 185-192. Moscow, Iskusstvo Publ.

Lenz E.E. (1895). Opis' sobranija oruzhija grafa S. D. Sheremeteva [Inventory of the collection of weapons of Count S. D. Sheremetev]. SPb.

Lenz E.E. (1908). *Imperatorskij Jermitazh. Ukazatel' otdelenija Srednih vekov i jepohi Vozrozhdenija. Chast' I. Sobranie oruzhija* [Imperial Hermitage. Index of the Department of the Middle Ages and the Renaissance. Part I. Collection of weapons.]. SPb.

Malozemova E. I. (2017). Iran i Rossija v kul'turnom dialoge: «russko-iranskaja» sablja iz kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha [Iran and Russia in the cultural dialogue: the “Russian-Iranian” saber from the collection of the State Hermitage]. *Rossija-Iran: dialog kul'tur* [Russia-Iran: the dialogue of cultures]. 159-165. SPb.

Maskevich S. (1859). *Dnevnik 1594-1621 Skazanija sovremennikov o Dmitrii Samozvance* [Diary 1594-1621 Legends of contemporaries about Dmitry the Impostor]. V. 1. SPb.

Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty. Ch. IV. Kniga 3. Holodnoe oruzhie [Inventory of the Moscow Armory. Part IV. Book 3. Cold weapons]. Moscow. 1885.

Orlenko S.P. (2014). Mechi i protazany. K voprosu o ceremonial'nyh novacijah russkogo dvora v seredine XVII veka [Swords and Partisans. On the issue of ceremonial innovations of the Russian court in the middle of the XVII century]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Studies. Moscow Kremlin Museums.]. Issue 22. 45-88. Moscow.

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vtoraja polovina XIV-XVI vv. [Dictionary of scribes and literacy of ancient Russia. The second half of the XIV-XVI centuries]. Ed. D.S. Lihachev. Part 1. Leningrad, 1988.

Slovo o polku Igoreve. Pojeticheskie perevody i perelozhenija [The Tale of Igor's Campaign. Poetic translations and transcriptions]. Ed. V. F. Rzhigi. Moscow, 1961.

Smirnova E.I. (1973). K voprosu ob avtorstve knig «Holodnoe oruzhie», «Bronja» i «Ognestrel'noe oruzhie» Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty. [Concerning the authorship of the books "Cold Weapon", "Armor" and "Firearms" of the Inventory List of the Moscow Armory Chamber]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Moscow Kremlin Museums]. Issue I. 34-40. Moscow.

Sokrovishha osmanskih sultanov. Iz sobranija Muzeja dvorca Topkapy, Stambul. Katalog vystavki [The treasure of the Ottoman Sultans. From the collection of the Topkapi Palace Museum, Istanbul. Catalog of the exhibition]. Moscow, 2010.

Srednevekovaja andaluzskaja proza [Medieval Andalusian prose]. Ed. M.M. Malyshev. Moscow, 1985.

Tal'man E.M. (1948). Remeslennoe uchenichestvo Moskvy v XVII v. [Craft apprenticeship of Moscow in the XVII century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 27. Moscow.

Tihomirova E.V. (2012). K voprosu ob oruzhievedcheskih issledovanijah bulata [On the issue of weapons research of Bulat]. *Sostojanie, problemy i perspektivy vosstanovlenija tehnologii poluchenija damasskoj stali, bulata i metallicheskih kompozitov* [Status, problems and prospects for restoring the technology of Damascus steel, damask and metal composites]. Ed. Arhangel'skiy L.B. Moscow.

Vel'tman A.F. (1860). *Moskovskaja Oruzhejnaja Palata* [Moscow Kremlin Armory]. Second edition. Moscow.

Viskovatov A.V. (1841). *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk s risunkami, sostavlennoe po vysochajshemu poveleniju* [Historical description of clothes and weapons of Russian troops with drawings, compiled by the highest order]. Vol. I. SPb.

Winkler P. (1992). *Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniju i izobrazheniju ruchnogo oruzhija s drevnejshih vremen do nachala XIX veka* [Arms. A guide to the history, description and image of hand weapons from ancient times to the beginning of the 19th century]. Moscow.

Zheleznov V.F. (1906). Istoricheskie svedenija o bulate v Rossii [Historical information about Bulat in Russia]. *Beljaev N.T. O bulatah (s prilozheniem Istoricheskih svedenij o bulate v Rossii V.F. Zheleznova i Opisanija kollekcii vostochnogo oruzhija D.K. Chernova)* [About bulat (with the attachment of Historical information about Bulat in Russia, V.F. Zheleznov and Descriptions of the Oriental Weapon Collection by D.K. Chernov]. SPb.